

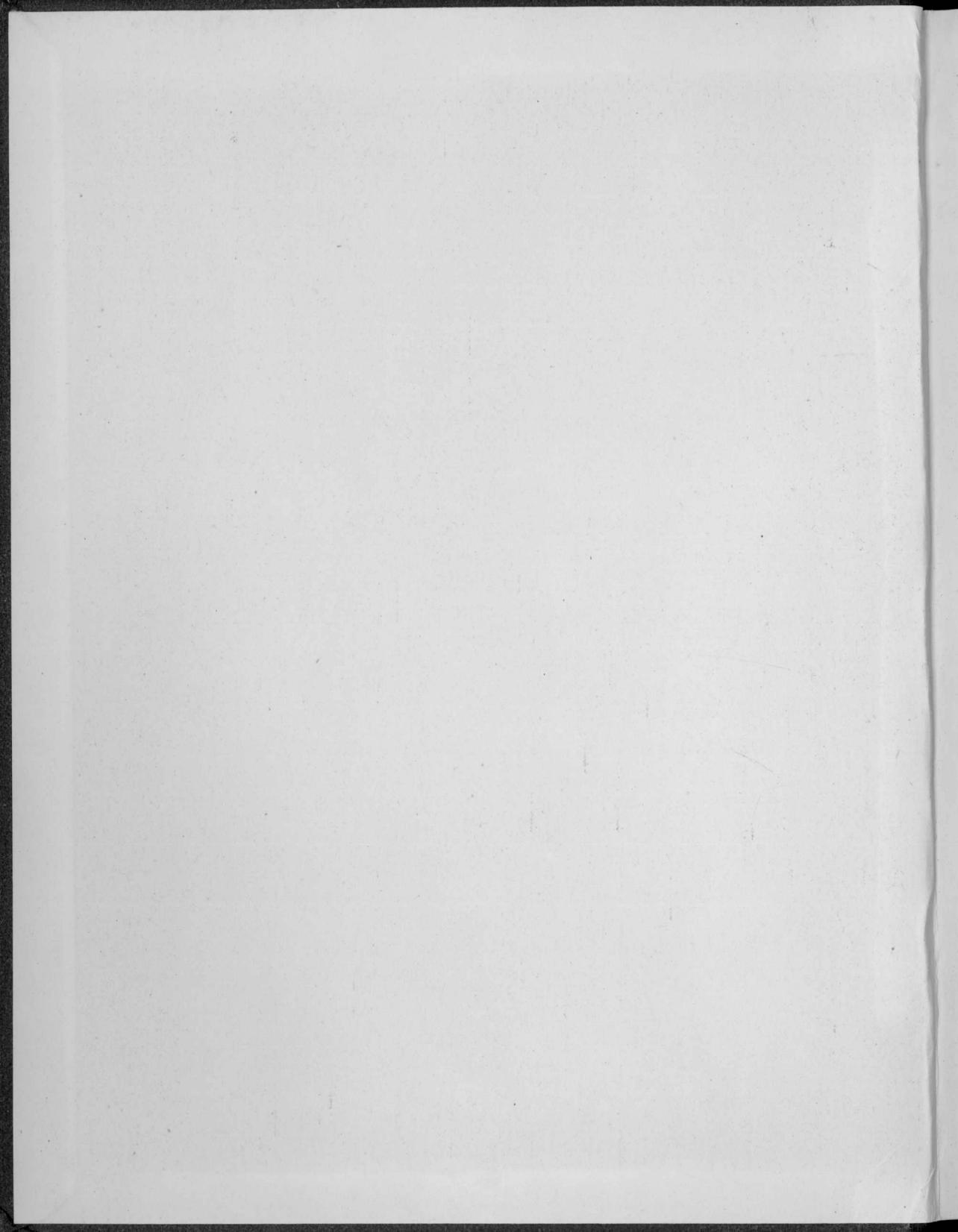
А. Голубева

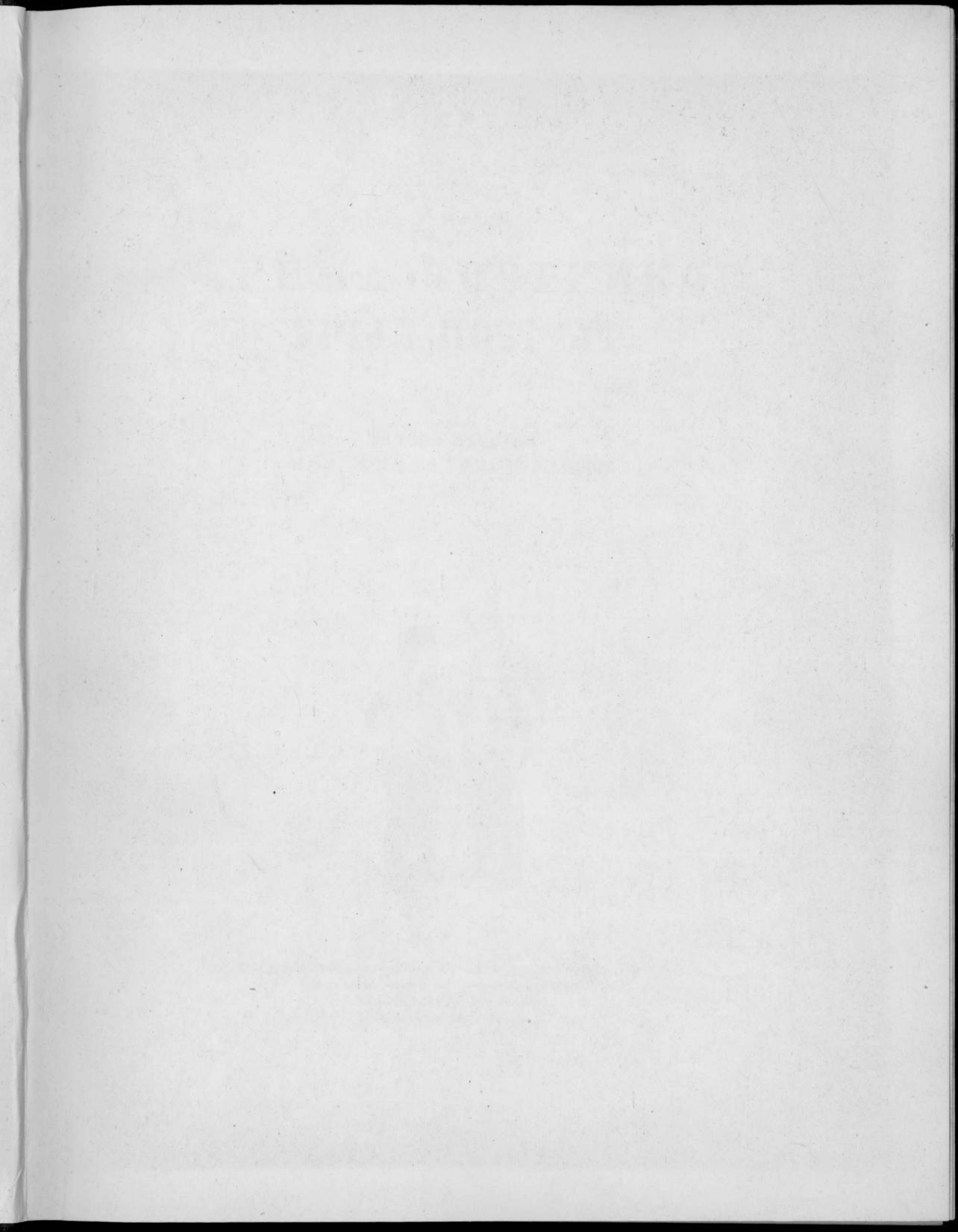
СЕРЁЖА КОСТРИКОВ

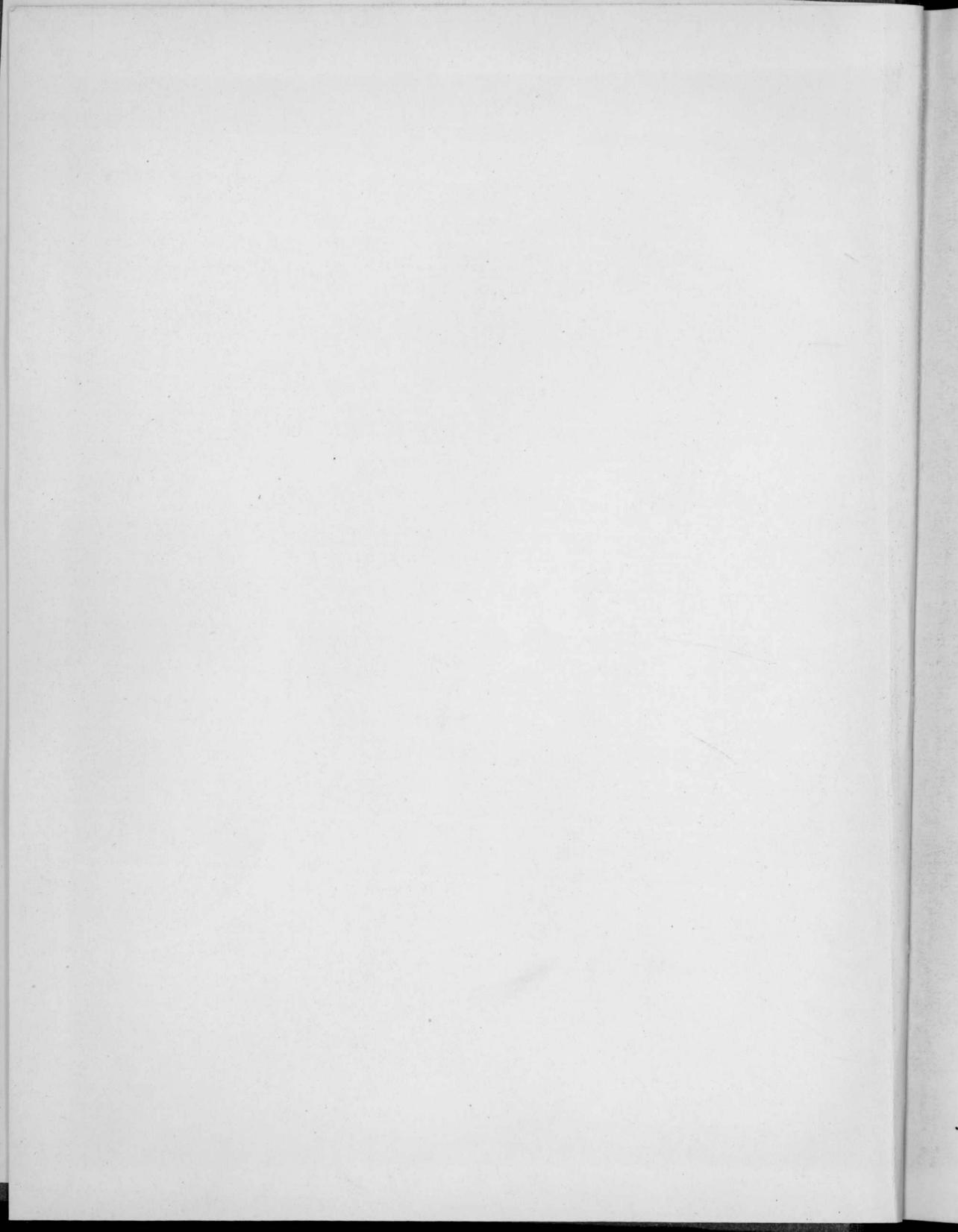
*урыв
потрывает*

Учпедгиз · 1951

Манс.

3=44.

А. ГОЛУБЕВА

СЕРЁЖА КОСТРИКОВ УРЫЛ ПОТРЫТ

МАНЬСИ ЛАТНГЫГ
И. П. КИМЛОВЗОВ ХАНСЫС

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград 1951 Москва

А. ГОЛУБЕВА

РАССКАЗЫ
О СЕРЁЖЕ КОСТРИКОВЕ

НА МАНСИЙСКИЙ ЯЗЫК ПЕРЕВЁЛ
П. П. КИМЛОБОВ

Рисунки художника
Ю. М. НЕПРИНЦЕВА

Обложка художника
П. П. ГРИГОРЬЯНЦА

Государственное Учебно-педагогическое издательство
Министерства просвещения РСФСР
Ленинградское отделение
Ленинград 1951 Москва

СЕМЬЯ.

(Кол тагыл.)

Костриковыт семья мань нор колт олыс.
Ти кол павыл кол хурип олыс. Тан семьяныл
сака яныг ат олыс: ась, сянъ ос хурум няврам—
Анюта, Лиза ос Серёжа.

Анюта янгыг олыс, тав—нёлолов талэ, мань
Лиза—ат талэ, а Серёжа котльартыг олыс,
тав сат талэ.

Костриковыт нусаг олсыт. Асяныл акваг
ропата ат оньсяс. Уржум усрисьт заводьт,

фабрикат атим олсыт; мувлахи топ паль тарыг ив вор ос няр олыс. Асяныл наскассыг ус хосит ропата кинсим яласас. Ропата ке емталас, то мань ропата нэглалас: тован тэнэ пасан вари, тован сопак сёпити, тован пес поськан поська кисыт рати. Асяныл сав сёс этипалаг вагтал пätим ос кастал юв-ёхталас.

Аквнакт тав ёхтыс, улас тармыл унтыс и номсунгкве патыс. Пес колнорыт самагетыл мувлахи сунсыгласанэ. Кол самт сихыртан ив койка унли,—сунсэгын, тав аквтоп хот ти саквали. Колнорт сёс хани. Пес сёс, сяр цифранэ ат нанкегыт. Иснасыт хот-нянирласыт. Колкан сови. Няврамыт няр лаглыл олэгыт...

— Улпыл, мот мат хот ропата кинсунгкве эри!

Мотхотал алпыл асяныл атхатунгкве патыс. Хурыг, сув ив, сэмыл нянь лёнгхын ёт вис. Нэтэ, нявраманэ синыйталсанэ и минас.

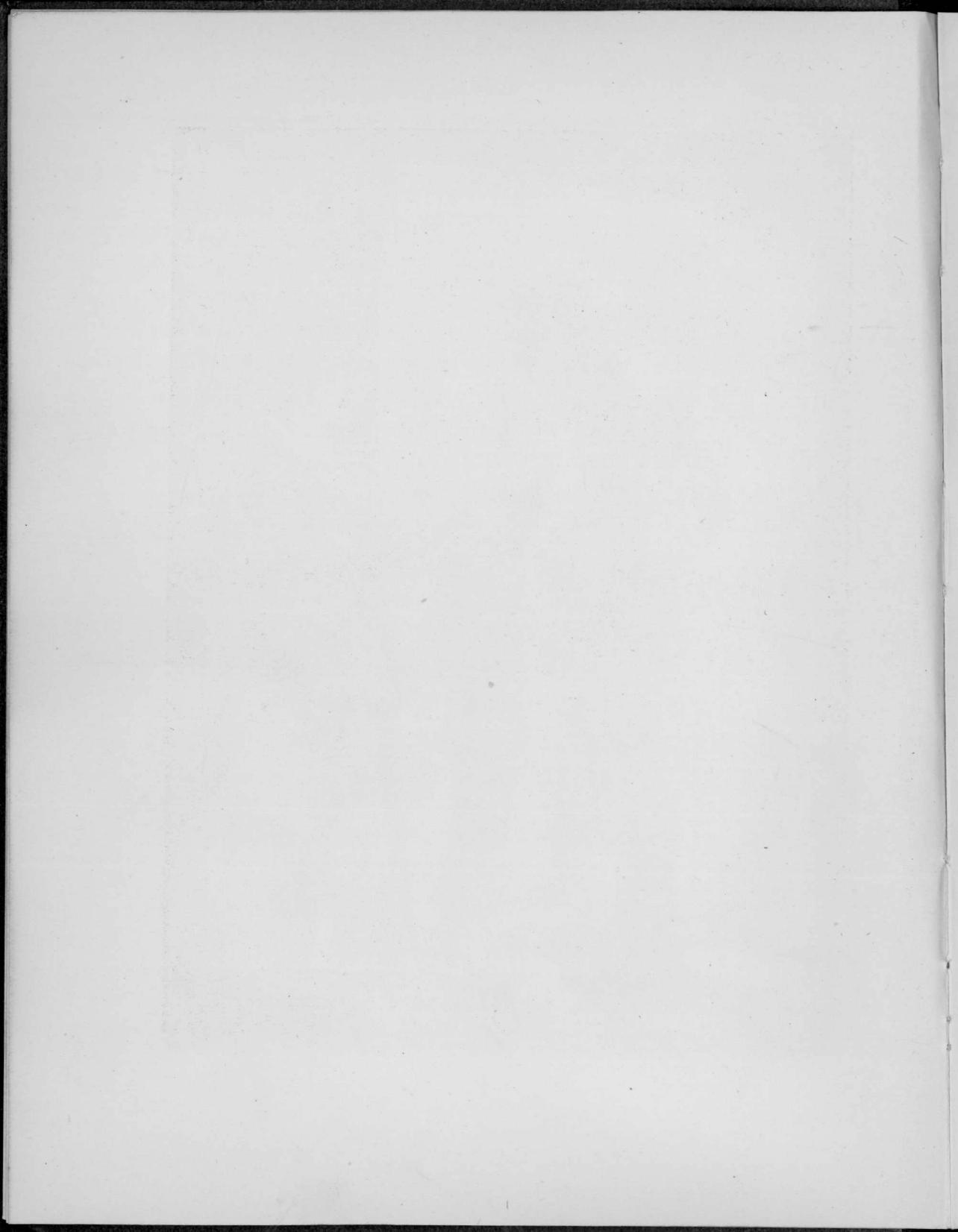
— Эрынг, Вятка ив сартнэ заводт мосьломт олын сэлэгум!.. Анум урелын—хурмахкем этпос холнэ юи-палт ёхтэгум!

Тан танккеныл хультсыт. Касынг хотал оманыл матум почта тотнэ ойка китыглалыстэ:

— Письма манавн атим?

— Инг хансэгыт,—почта тотнэ ойка ювле лавыглас и Костриков кол тара ёмыглас.

Хурум этпос ми́нас. Асяны́л ювле ат ёхтыс ос письма́ ат кеты́глас.

Тонт оманы́л ойкаты́ палт письма́ хаснэ магыс ванэ хаснэ хум палт хайтыс. Такви хан-сунгкве ос ловинтангкве ат хасыс.

Хаснэ хум письма́ хансыс. Письма́ Вяткан кетсаны́л, асяны́лны́л ювле письман ат ёхту-весе́т.

— Тав хумле емтыс? — оманы́л сака сяр-гыс, тистыс.

Наска́ссыг Серге́жа касы́нг хотал увси́рисяге ёт ось ави палт сунсунгкве хайты́глас, асяны́л аман ат юв.

Туи пора ми́нас. Раквы́нг таквси ми́нас. Тэли овы́лт асирмат овы́лтахтасы́т, но асяны́л тох юв ат ёхтыс.

— Эры́нг, агмы́л емтыс ос пусма́лтан колт хотта́ль сялтыс. Эры́нг ив сартнэ мат маши-нан пасирта́вес. Хумус ань олунгкве патэв? Ропита́н хотпа ат оньсе́в, — оманы́л лавы́глас и лю́ньсиглас.

Анюта́н асе саль олыс, и тав ос лю́ньсис. Мань́ Лиза киты́глахтим перхаты́глас:

— Ома, манры́г лю́ньсегы́н? Пунгкы́н аг-мы́нг?

— Ой, нанг, ам мань́ оссамум, — тав ома-тэ́н пунгкы́т вотгы́главес.

Серёжа суйтал ома тэ нупыл сунсыс ос такысь лилтыс.

Аквнакт, тэнэ порат, хунь ома тэ исмит пуссын ат тэстэ, нялитэ пасан тармыл пиныстэ и люньсялтахтыс, Серёжа уласныл квалапас, тав палтэ ёхтыс.

— Ома, ул люньсен, — суйтал лавыс. — Ам ропитангкве минэгум.

Ома тэн Серёжа такысь синыйтавес, нэматыр ювле ат лавыс. Ома тэ такви ропитангкве минас. Сёлынг махум палт посхатунгкве, колкан ловтунгкве, ялпынг хотал магыс кол сёпитангкве патыс.

Оманыл вагтал олыс, тав ватихал агумлас. Тарвитынг ропатаныл тавен усьпыл люлиг емтыс.

Ома тэ акв сёс асирманг вотынг хотал ят польтахатас. Тав сёлынг вата нэн Шамовой супыт ловтыс. Сав суп олыс — хурум яныг корзинка. Оманыл асирманг вотт эти мус супыт ловтыс и сака польвес.

Тав туп-туп юв-ёхтыс.

Мань Лиза ос Серёжа хуясыг, Анюта ома тэ урыс, юнсыс.

— Анумн хотмус люль, — ома тэ лавыс, ахвсалахттал норман хуяс.

— Ома, нанг хумле емтсын? — Анюта ома тэ

палт ёл-хутыс. ОMATэ ювле топ нас сакыс. Анята оMATэ кат вис. Катэ сака исум олыс, аквтоп пайтим вит хурип.

Анята сака рохтыс и сясе палт хайтыс.

Сясе Воскресенский нампа ус хулит унлум колт, чиновник Перевозчиков палт, няврам урнэ акваг олыс.

Анята хорамынг янгк ахвтас кол киврын сялтунгкве пиныс. Иснасыт хорамынг торыт ханасыт. Акв иснаст келп харпа пос нангкыс, а мот иснаст—атыр харпа пос нангкыс.

Палыг-пунсим карта авиныл Анятан нангкыс, хумус карта кивырт керквалыгн нэгим яныг пунынг амп хайтыгтас. Тав суингысь хортыс и Анята нупыл лайхатыглас. Анята ат вастэ, хумле вархатунгкве.

Амп хортнэ суйн дворник кон-квалыс.

— Нангын, агирись, маныр эри?

— Сянюм,— Анята лавыс и люньсялтахтыс.

Дворник таве сясе палт тотыстэ.

— Сяся, ман палтув минимен! Омам агмыл емтыс,— Анята лавыс.

— Ул люньсен, минимен,— сясе лавыс, Анята самвитанэ вильтныл хот-сэгсанэ.

Сясе яныг регынг саль пиныс и акваёт миначыг. Тав Перевозчиков косяе палт ювле воссыг ат ёхтыс. Сясяныл агмынг агитэ

ургалан магыс ос няврамыт сунсыглан магыс тит олунгкве патыс.

Няврамыт, манкем вермысыт, тавен нётунгкве патсыт: Анюта лапкан хайтыглас, Серёжа мань ив сакв ломтыт самвар пайтнэ магыс атыс. Топ мань Лиза акваг тораслахтыс,—сясе магыл эли-палт ёнгхатахтыглас, кол кивырт колкан тармыл поргунгкве овылтахтыглас.

— Суйтал олэн, Лизутка, оман агмынг,—сясе лавыглас.

Но Лиза маниг олыс, нэматыр ат торгамтас. Тав агмынг ома тэ палт койка тармыл хангхыглас, мойт мойтунгкве пойкыстэ.

— Посынг торумт сака нётнэ Иван-царевич олыс-хулыс...—восгим мойт овылталыс. Тавен суингысь потыртангкве тарвитынг олыс.

„Эрынг, и тав пусми“,—сясе номсыс.

Но оманыл ат пусмыс. Касынг хотал тавен люлиг емтантас, китит этпос юи-палт тав сорумнпатыс.

Оманыл пес уржумский савынг кант, ив карта эли овылн ёл-сёпитавес.

Тан, оманыл ёл-сёпитаманыл юи-палт, ювёхтысыт, тонт сясяныл лавыс.

— Ам лилинг тагыл олнэм сис, нанан савалап утанум, ат оссувлианум!

И сясяныл няврамыт ёт олунгкве патыс.

КАРТА АВИ ОС БАЛАСЬ.

Акв ус хулитт махмыт сав сирыл олэгыт. Шамовский лапкат ропитан яныг приказчик пыгрисит нас хоталыт ёмас торныл юнтим супыл яласэгыт, ялпынг хотал порат тан оманылн атырхарпа супыл маставет. Касынг хотал ти няврамыт хул хольт варим атынг пряник ос сорнинг сэтапыл перыгтим ёмас кампетка тэгыт, а карта ави похат грецкий пакв самыт ахвтасыл сакватэгыт, нас пакв самыт атимыт, а сялыг олын олип хурипат, тан ильпи тал порат ховтын нох-тагылтавет.

А ёнгын утаныл сака ёмасыт! Яныг ив лув выгыр инар оньси. Телегакетэ кер колёсал варим...

Серёжа Костриков ос ти Полстоваловский ус хулитт оли, а тав атырхарпа ярмак суп, хул хурип пряник ос хансанг ёнгын лув ат оньси.

Тав тамле ёнгын ут оньси! Торныл юнтим мячик, топ тав ат порги, ос ив поталит. Серёжа палт ти ив поталит ванэ кол варнэ хумн тотвесыт. Тэн Санька юрт пыгрисентыл ти ёнгын утыл ёнгысыг. Санька тав ётэ акв колт олыс. А ань Санька ёрынгыг емтыс и ёнгунгкве ат тангхи. Санька таи оньси, маныр Серёжа ат оньси: Санька палт букварь оли...

Тав онтолов талэ, и тав сумканг тагыл, вангын ултта пиним, школан яланти. Санька такви букваретыл таи магыс ёралахти,—тав ханисьтахтын пыгрись.

Колэныл кон-квали, сарай похан ив тармыл унти, букваре палыг-пунси и ловинтангкве овылтахти: „Маша сиртэп пайтыс. Оматэ Маша эруптитэ“.

Саня таи матыс суингысь ловинти, кон олнэ хотпан вос хулаве, вос вае, манахурип яныг ханьсювлам хумрись.

Серёжа ив тармыл юртэ палт ляпан унти. Кат тара букварь нупыл сунси и питьмияге нёв-салтияге—аквтоп ос ловинти. Тавен сака саль, тав Санька осьнэ хурип букварь ат оньси.

— Сань, аnum ханисьтэлн,—Серёжа поикси.

— Нанг инг мань. Нанг топ сат талын,— Санька ювле лавыс и ос ильпииг такви вар-мале вари: „Маша сиртэп пайтыс. Оматэ Маша эруптитэ“.

— Букварякве пувунгкве майлэлн, а?— Серёжа лави.

Санька букварь мыг, а такви мовинти: аквтипыл нэматыр ат торгамтэгын, азбука ат вагын.

Серёжа букварь лоптат палыг-пунсыгли, послимутыт ос букват сунсыгли.

Книгат сав сир букват олэгыт. Тит яныг, сэмыл, осынг букват, а тит карыс ос осься букват—ив хурипат, тан нум-паланылт точкат олэгыт, тот мань букват, овланыл сякарингыт, лэгынгыт.

— Сань, ти маныр сир буква?—Серёжа китыгли.

— Хоти?—Саня букварь палт мокрыт-тахтыс.

— Тии, карта ави хурипа.

— Лавыс! Карта ави хурипа,—Саня мовинти.—Ти „пы“.

— „Пы“,—Серёжа тав юи-палэт лавыс.—А тии?—тав тулёвлыл китит буква сунсылти.

— Ти „О“!

Серёжа ат агтим юртэ нупыл сунси,—эрынг намыл лави!

— „О“? Калась хурипа!

— Буква „О“ касынг порат енгта,—Саня ювле ёрынгысь лавыс.

— Танай, сунсэн, Сань, а ти калась пал хурипа!

— Ти калась пал хунь, ти „сы“. Я, товли! Ханьсювласын! Атингк арумныл сав вангкве патэнын,—Саня лавыс ос Серёжаныл букварь хот-вистэ.

Серёжа кантынгысь Саня нупыл сунси.

Юртыг ловинтахти, — хурум буква сунсыл-
тас, воссыг суссылтангкве ат тангхи! Улпыл,
букварь саль... Тав ман — юв-тэгтэ, эрынг
пангктитэ? Букварь винэ эли-палт тав катаге
ёмасякве супн сэгсаге.

Серёжа сясе палт хайти.

— Сяся, анузн букварь ёвтэн.

Сясе суйтал хура кивырт супыт поси.

— Сяся, ёвтэн! Ам, Санька хольт, ловин-
тангкве патэгум. — Серёжа сясе магыл тор
хасумтанти.

— Манавн книгат ёвтнэ мус хунь, — нянь
ёвтунгкве олын ат товылхати, — сясе лави
и таком такысь витынг вильт сэгнэ торыл
хосувланти, Серёжа палт мойтакынг вит лом-
тыт патыглэгыт.

Но Серёжа хот ат пойти.

— Сяся, ёвтэн, ам хурум буква вагум, —
тав пойки, кур сунтныл лотах алмаяс и ось
ави хурип, яныг сови, буква кур тармыл ханси.

— Ти „пы“! — тав ёрынгысь лавыс.

— Ах нанг, хорахси, нанг маныр магыс
кур пангктэгын? — сясе ронгхи ос паленыл
хосгасьлитэ.

Серёжа сясеныл ойматас ос кона-порыгмас.

Тит тавен ма товылхати! Хансэн, манакем
нанг тангхегын, и сясин лявтунгкве ат пати.

Тав пале сарти, тувыл сарай палт хайти и пес хоссуп алмай. Мот овлэт ёнгхыгпастэ и ма тармыл кит яныг сови букваг хансунгкве патыс: „О“, енгта, калась хурипа, „П“, карта ави хурипа.

НЭМАТЫР ТЭНГКВЕ.

(Тэнуттал.)

Серёжа сясе сака матум олыс: тав онтолсат нупыл кит талэ. Тав самаге посталыг, а хунь колкан хосгыс, сисэ сав сёс сартыг-ластэ.

— Мокрытахтунгкве анумн тарвитынгыг емтыс! Ой, тарвитынг!—сясе тистыс.

— Я-та, ам хосгегум,—Серёжа лавыглас и сясеныл хоссуп войлас. Тав такем каркамлыглас, такем та хоссупыл хосгыглас, сясе лявтунгкве патыс:

— Маныр порыс капай алмысын! Хоссуп Анютан маелн, тав вос колкан хосги!

Увситэ хоссуп войлас и ургалахтим ос систамыг хосгыс, пасан ос уласыт ёли-палт порс ат хультупталыс.

Анюта хунь топ колкан хосгунгкве хасыс, но и исмит пайтунгкве вермыс и супыт посунгкве хасыс.

Сясен Серёжа Анюта ёт я ватан таратал-вес.

Серёжа увситэ ёт Уржумка я ватан ялунгкве сака тангхыс. Анюта супынг корзинка то-тыс, а тав увситэ похат ёмыс и корзина овылн похталас. Я ватат Анюта ахвтасыт тара тамле ман миныглас, хот вит систамнувег ос милнувег олыс, а Серёжа я ватат тосам мат хультыглас. Тав ракушкат атыглас, сэйныл яртил варыглас и увситэ нупыл сунсыглас.

— Нютка, ёл ул сялтэн!—тав кантынгысь ронгхыглас, хунь увситэ сака ляпан вит палт мокрыртахтыглас.

Товнакыт Серёжа сунси-сунси, тувыл сунсунгкве воссыг, ат верити и Анюта палт ахвтасыт тармыл мини.

— Нанг манрыг тыг-ёхтысын?—увситэ ювле ангкватим лави.

— Ам нангын суп овылт пувунгкве патилум, ёл ул вос сялтсын!

И ляпа ахвтас тармыл люлим, Серёжа тувмус увситэ суп овыл такысь пуви, хунь тав супанэ пуссын ат ловтиянэ.

Анюта кантли и таве сясен лавунгкве пилуптитэ. Но хунь яныл юв-ёхталасыг, Анюта нэматыр сясен ат лавыглас: тав таве салитастэ. И тох сясе сав вармаль оньси: няврамыт

юнтсангкве, ловтунгкве эрегыт, я ватан витн ялунгкве эри, коза Шимка посунгкве эри. Алпыл пасыл сясяныл сав сир ропата варунгкве овылтахтыглас. Алпыл, хунь тав пасан тармыл сули пут исум картошканг тагыл унттали, тав тосам осыл, кастал олыс. Картошка и то ловинтим олыс. А нянь урыл нэматыр потыртангкве ат хойхатас.

Сэмыл нянь сясяныл мань ломтыг якталастэ. Касынг ломт катпатта палкем олыс, касынг нявраманыл хурум сёс акв ломтыл майлувес.

— Сэмыл нянь сака мосься олыс. А ам нотум молях холи—сорумнпатэгум. Тонт нан хумус олунгкве патэгын?—сясяныл сяргыс. Тав ос кол похат оlnэ экватэн, Санька оमतэн, ти урыл сав сёс лавыглас.

— Нявраман приютн маен,—кол пох эквалавыглас.—Вос нанг косяин ти урыл потыртахти. Нанг тав палтэ лов тал олсын. Тав нявраманэ пуссын нанг янмалтасан.

Но сясяныл акваг ти вармаль мот хоталн пинтлыстэ.

„Эрынг, хотмус олэв,—тав номсыс.—Хумус амки апыганум приютн мыганум! Приют—тав приютыг и оли! Каснаколныл ёмас хунь. Лагыл тальхыл яласэн, косяитыл пилэн—

приютыт лявыльтавет. Соль топ пойтнэг титтавет, тувыл матыр хунь емти! Юн кос тэтал, та пентсыл пуссын нангки утан!“

Сясяныл акваг мот хоталн ти вармаль кос пинтлыстэ, юи-овылт чиновник Перевозчиков палт минас.

Акв сёс алпыл тав козатэ посунгкве патыс. Шимка козатэ матум олыс. Тавеныл сяквит посунгкве номсыс, но коза сяквит ломт ат мис. Картошка сули пут кивырт хультыс. Нянь ёвтнэ олын сяр атим—сакати акв олын кер юн вос олыс!

Сясяныл сарайныл юв-ёхтыс. Няврамыт нонгх-квалсыт.

— Сяся, нянь маен,—мань Лиза ронгхалтахтыс и сясе суп ерн похтунгкве патыс.

„Маныр пасн патсум,—тэнгкв нэматыр атим“, сясяныл номсыс и суйтал масхатунгкве патыс.

— Нанг хоталь, сяся? Лапкан-а?—Лиза ронгхувлас.

— Лапкан,—сясе ювле лавыс, а такви пес косяе палт нявраманэ магыс пойкунгкве минас.

Няврамыт ти хотал сясяныл хоса урсыт. Тав топ этипалаг юв-ёхтыс. Серёжа тав палтэ лайхатас.

— Сяся, маныр ёвтсын?

— Нэматыр ат ёвтсум,—сясе лавыс и пунгк торе ангхвунгкве патыс.

— А нанг, сяся, хоталь ялсын?—мань Лиза китыглахтыс.

— Кудыкин урн ялсум,—сясе лавыс и сомьяхн минач.

Тувыл полям картошка тотыс, касынг няврам хурум-хурум картошкал мистэ. Тит и обед, тит и ужин!

Сясяныл ти эт уют урыл няврамытн нэматыр ат лавыс. Маныр магыс сартын лавунгкве! Ювле латынг ёхти, та порат пуссын потыртэгум.

Сясяныл матахкем сёс латынг магыс ялантас.

А няврамыт аквтопмат люль вармаль васаныл. Карта ави похат атхатэгыт и сясяныл урегыт.

Касынг порат сясяныл косяйныл кастал, потыртал ёхталас, а юи-овылт сягтим ёхтыс.

— Ну, няврамыт, ань мось копнитыг емти.— Сясяныл уласн унтыс, а няврамыт мувлахи люльсыт.—Нанан хурум хотпа титтунгкве ат вермегум, акван уютн мингкве эри.

— Хотют уютн мыгын?—Анюта китыгли.

— Серёжакве.

Серёжа, тии хунтамламе эрт, янитэтыл торгалтахтыс ос люньсялтахтыс:

— Приютн ат тангхегум! Ат минэгум! Манав пуссын маен!

— Пуссын ат вивен, — сясяныл лавыс. — Анюта яныгнув, Лизутка маньнув, а нанг таланын артмегыт.

— Сяся, тюпынг, приютн ул маелн, — Серёжа ос та люньсалтахтыс.

И сясяныл такви ос мось ат люньсялтахтыс: тавен Серёжа саль олыс, воссыг нэматыр ат варегын.

Тох тав приютн та минас.

ПРИУТТ.

Серёжа сясен приютн тотвес. Тэн карыс, урум, косяй экван ляльт нэглувесыг. Косяй эква юпкатэ нэпак хольт хорыстас.

— Нанг латынг хунтлын пыгрись? — косяй нэ китыглас.

— Хунтли, хунтли, — сясе пунгке хоми нёвумтаптыс.

— Ильпи пыгрись, ильпи пыгрись ёхтыс! — сиспалт хотьют-та суйтыс.

Серёжа ювле ангкватас.

Сэмыл оспа супыл масхатам пунгкаттал мань агирись пунгке авин магумтастэ, а тав пунгке нумпалт ос хотьют пунгк та нангки. Тав ос ат ат оньси, сэмыл сампа.

Ат торгамтилын—агирись аман пыгрись.
— Тан ётаныл кона ёнгунгкве минэн,— косяй нэ лавыс.

Серёжа кона-минас. Тит тав уютский няврамытн мувлахи люльвес.

— Нанг тамле яныг пунгкуп пыгрись хотыл ёхтысын?—пунгкаттал сэмыл сампа пыгрись китапас.

— А нанг яныг питьмиппа!—Серёжа кант-мувес.

Тав нэмхуньт няврамыт ёт ат лявтыглас. А тит ёхтыс и тара лявталтахтыс.

— Ам яныг питьмиппа-а?—уютский пыгрись ронгхувлас.—Ам нангын яныг питьми сунсылтэгум!—Тав осынг питьмияге хартыс и Серёжа палт лайхатас.

— Юлия Константиновна, Васька алхати!— уютский няврамыт суйталтахтасыт.

Косяй нэ авит нэглапас.

— Тыг-иен!—тав Васька нупыл кантынгысь лавыс и самкер квалыг сёпитас.

„Нэматыр магыс тит ат хультэгум“,—

Серёжа номсыс и карта палт хайтыс. Тав карта палыг-пунсыстэ и кон-порыгмас.

— Юлия Константиновна, Юлия Константиновна, ильпи пыгрись ояс!

Приютский няврамыт Серёжа пувунгкве лайхатсыт. Тан таве пувумтасаныл и ронгхим ювле тотунгкве патсаныл.

Серёжа хотт олнэ ёретыл та кос маныгтахтыс, но сав няврам олыс. Карта ави лап-пантхатас. Аква приютский няврамытыл карта ави ивыл пантыстэ.

— Анум таратэлын, — всё равно оегум! Таратэлын, ну!

— Ат оегын!.. Нанг ань приютский, — Васька лавыс.

— Ам приютский хунь, ам амки хури-пам. Ам сясюмн ювле вивем, — Серёжа ювле лавыс.

— Хумус, урхатэн! — Васька мовалас.

Серёжа акваг карта ави похат люлис и самаге карта авиныл ат тараталсаге.

Тыгыл ави палыг-пунсыгтахти, сясюм сялти и лави: „Серёжакве, юв-минимен!“

Но сясе ат ёхтыс.

Итипалаг емтыс. Приютский няврамыт тэнгкве тотвесыт. А Серёжа палт сясе тох инг ат ёхтыс.

„Ти хотал, улпыл, посхати, а холитан алпыл ёхти“, — таквинатэ пойтылталыс. Но и алпыл сясе ат ёхтыс, хурмит хотал, нилит хотал ос ат ёхтыс!

Тох Серёжа палт сясе ат ёхтыс.

Мосьнув тав приютн ханьсювлангкве патыс. Топ акв вармаль палт ханьсювлангкве ат вермыс: няврамыт юртынгысь ат олсыт, сав сирмань вармаль магыс лявтыгласыт. Кон и кол кивырт тур суит суйтыгласыт:

— Юлия Константиновна, тав алхати!

— Юлия Константиновна, тав лавтал книга вистэ!

— Юлия Константиновна!.. — И тох алпыл овылтахти ос этипала мус.

Нёлолов хотал приютт олнэтэ сис обед порат Серёжа ёт акв вармаль емтыс.

Приютский няврамыт ат хотпа акв ракт анил тэсинталсыт. Ти хотал обед порат исмит ос пшённый сиртэп олыс. Серёжа дежурныйг олыс. Хунь няврамыт исмитаныл тэсаныл, тав сиртэп магыс минас. Тэнут варнэ эква Дарья тав анитэ тагла сиртэпыл пиныстэ. Тав анитэ кит катыл вистэ и урхатим тотыстэ. Няврамыт таве урсаныл и ив нялил пасан тармыл ратсыт. Серёжа ляпат олыс. Илттыг Серёжа поханыл Пашка ёнгхыгпас и таве туясастэ.

Серёжа катныл ани ёл-рагатас и хот-саквалас, сиртэп колканн тарамлас. Няврамыт пасан поханыл хот-квалапасыт и Серёжа мувылтасаныл. Тан таве лявильтасаныл:

— Каттал! Сиртэп тотунгкве ат вермыс! Рохнэ торыг Юлия Константиновна ёхтыгпас.

— Маныр емтыс? Манрыг тамле суй?

— Ильпи пыгрись ани сакватас, — приютский няврамытыл хотьют-та лавыс.

— Маныр сир вортолнут! — Юлия Константиновна кантмувес. — Тох анит пуссын сакватиян! Обед юи-палт санспунгк тармыл люлегын! Элаль сэрёрыг олунгкве патэгын.

Обед юи-палт няврамыт пуссын тарамласыт, Серёжа тэнэ колт колкан котильн санспунгк тармыл унтыс. Тав палтэ яныг питьминг Васька ёхтыс.

— Пашкан туясиман овылтит Юлия Константиновнан манрыг ат лавсын? Насаки тав ос катн патнув!

— Тав ман намыл хунь! Ам такысь ке пувыслум — ат сакватаслум!

— Тав пентсылэ люлен! — Васька хот-мовалас и колнакныл кон-хайтыс.

Ловманкем минута минам юи-палт тэнэ колн эссамим Пашка сялтыс и, акв латынг

ат лавим, Серёжа похан санспунгк тармыл люлис.

— Нанг маныр?—Серёжа таве китапас.—
Юлия Константиновнан лаввесын?

— Ати, ам амки... Ам нанг ётын люлюнг-
кве тангхегум,— Паша лавыс.

ЛЁШКА ОС ВАСЬКА.

Приютт, хоталь Серёжа ёхтыс, „Асьтал, оматал мань няврамыт олнэ колыг“ лаввес.

Приют такви школатэ ат оньяс. И приютский няврамыт ус няврамыт ёт Воскресенский ус хулит приходский школат ханисьтахтасыт. Серёжа ёт акв классыт ус пыгрись Лёша ханисьтахтыс, вата хум Шамов яныг приказчик пыгрись.

Лёшка таквинатэ хорахси пунгк хумыг намтыстэ, а такви юртанэ—хорахсиг лавсанэ.

Лёшка такви „хорахсиянэ“ ёт школат нэмхотьютн лёнгх ат майлас. Тан сака приютский няврамытн новхатыгласыт. Перемена порат „хорахсит ос тан пунгк хуманыл“ лагыл нёл вангкырталсыт, пасьралахтасыт, паль маныгтасыт. Хунь приютский няврамыт павыл кан

хосит исыт, Лёшка вильтэ мот сирыл варыгла-
стэ ос, манакем тур оньсяс, ронгхыглас:

— Приютский такум, хоталь вангкегын?!

— Пувелын-пувелын! — „хорахсит“ рохсыт,
ос приютский няврамыт пувыглавесыт.

Та няврамн люль олыс, хотьют лаглаге юв
ат тотыглас (ат оиглас)! „Хорахсит“ приютский
няврам ратияныл, туйт кивырт хартаталияныл
ос товнакт книгат сумканг тагыл мот хум
карта кивырн воськасияныл.

Аквнакт урокыт юи-палт Серёжа ос тав
кит приютский юртаге нупыл „хорахсит ос тан
пунк хуманыл“ лайхатсыт. Приютский нявра-
мыг тара оюнгкве лайхатсыг. Серёжа таккет
павыл кан котильт хультыс. Лёшка тав палтэ
порыгмас и Серёжа кент хот-юныгтастэ.

— Юныгтэлн таве, юныгтэлн! — „хорахсит“
ронгхалтахтасыт и Серёжа кент лаглыл нонгх-
пахвтунгкве патсаныл. Серёжа танныл кентэ
хот-вингкве ат номсыс. Тав яныг, вати атуп
пунке ёлаль тартим, акв мат люлис ос та-
кысь лилтыс. Лёшка ёнгхыгпас и сяхнил си-
мынг порхыт юныгтастэ. Серёжа овлэт ювле,
тувыл элаль усувлас; санспунгкаге хенгыльта-
саге.

— Ёмаслахтын латынг вови! — „хорахсит“
ронгхалтахтасыт.

Но ти минута торыг Серёжа Лёшка пунгкыл пукит туясастэ.

— Ай!—Лёшка ронгхалтахтыс и хони ратас. Серёжа тавен номылмахтунгкве ат мис, Лёшка тармыл лайхатас.

Лёшка маныгтахтунгкве патыс, но Серёжа таве такысь пувыстэ.

— Таратэлн!—Лёшка павыл кан янитыл ронгхыс ос лаглагетыл сангхунгкве патыс.

— А алхатунгкве патэдын?

— Таратэлн!

— А ос патэдын?..

— Та-а-а-ратэлн! Хунтлэдын — та-а-ратэлн!

Лёшка пунгкетыл ёнгхаталунгкве патыс, самагетыл такви „хорахсиянэ“ кинси. А „хорахсит“, супаныл палыг-пунсим, карта похат люльсыт.

— Лавен — патэдын? Патэдын?—Серёжа хот ат квалим китыгластэ.

— Ат патэгум,—Лёшка юи-овылт лавыс.

— Сар сунсилум,—Серёжа лавыс и нонгхлюлис.

Тав ат молямтахтим пальтаныл ос валенкагеныл туйт паргалтас, мувлахи ангкваталыс.

Мот ус хулиныл приютский няврамыт хайтсыт. Кол сам сайныл тананылн пуссын нангкыс. Акв приютский пыгрись Серёжа кент

нонгх-алмыстэ, туйт кентныл хот-паргалтастэ и Серёжан мистэ. Тан Серёжа катагет пувум-тасаныл и приютн миначыт.

А Лёшка карта похат люлис и такви „хорахсиянэ“ ёт лявтыс.

— Манрыг нан суссын, хунь тав ам палтум лайхатас?— Лёшка ронгыс и сяхнияге тангрыс.

— Ман номсысув—нанг нангккен тав ётэ вермегын. Тав мань.

— Мань кос, но хаси,—Лёшка лавыс.

Приютт эт палит топ Серёжа урыл потыр олыс.

— А Костриков таве такем та юныгтитэ!.. Такем та юныгтитэ!..—приютский няврамыт потыртасыт.

— Ман ань тананылн сунсылтэв!—тан мовинтасыт ос сягтсыт.

Топ Васька Новогодов кантлыс. Хунь Костриков приютт атим олум порат, Васька приютский няврамытн сяр ёрыг ос пилтал пыгрисиг ловинтавес. А ань?

Ань тав китит мат оли?

Ати! Нэмхуньт и нэматыр магыс Васька ти ильпи пыгрисьн ат майхати!

Но Васька майхатас. Мот хотал, усьлахтын хотал, приютский няврамыт туйтыл ёнгунгкве ос сипныл тахсунгкве миначыт.

Приютский няврамыт люль мань сип карта кивырт олыс.

Топ тахамтэгын и тара ел-пойтэгын — сох-тыл яртпи палт вортхатэгын.

Сяр мак сип яртпи сайт, ят олыс, — карыс, янгкынг, топ тавеныл тахсунгкве ат ровыс. Ти сип Васька эруптастэ и нэмхотыют тув ат тар-талас.

— Ам Васька, ам сипум! — тав ронгхыс ос сяхнияге торгалтас.

Пыгрисит васаныл, Васька ёт лучше ат перхатунгкве. Тав ратнэ кони-пал, пурунгкве верми. Аквнакт тав приютский пыгрись Пашка палет товмасастэ, хунь таи тэнэ колт хотмус тав нялитэ вис.

Ати, Васька новунгкве ат эри!

И приютский няврамыт танки сипанылныл тахсысыт.

Усьлахтын хотал ос акв ти сирыл олыс.

Васька яныг янгкынг я ватаныл ронгхим ос кисгим тахсыс. А хурум приютский няврамыт похат люльсыт.

Эх, Васька сипныл сакати акв сёс вос тах-амталнувув! Тав хольтэ рогожа тармыл унтим, лагланув кит нупыл тактим и Уржумка я котиль мус сипныл ёлалъ тотнுவев.

Илттыг Серёжа сипн ёхтыс.

Васька усьти сипный тахамтас и сип ёли-палт поргыс, таквинатэныл туйт хот-паргалти.

Серёжа сип нум-палт минутакем люлис и илттыг ат молямтахтим такви рогожатэ пинунгкве патыс. Приютский няврамыт сун ат осьсыт.

— Ул тахсэн: Васьканыл нангын ёхтхати! — пыгрисит пуссын акв турыл ронгхувласыт. Но Серёжа тананыл ат хулыстэ, тав сёвгим янгкынг ватаныл ёлалъ нуйхатас. Топ туйтынг тулыт тав юи-палэт нангксыт.

— Минас! Минас! — приютский Зина ронгхыс ос поргыс.

Нэмхотьют нэматыр ат вас, маныр Серёжа ос Васька ёт олыс. Топ Васька яныл кантынг ос сам витынг тагыл ёхтыгпас. Ханыл паттатэт акван манигтим рогожа ханасьлас. Хайтим ювле сунсыглас и сяхни хотьют нупыл та торгалтас. Тав карта кивырн сялтапас и лаглагетыл пес нялкынг поська сангхвунгкве патыс. Тувыл рогожатэ ман воськакастэ и яныг турыл люньсялтахтас.

А мот хотал Васька сипн Серёжа приютский пыгрисит ёт ёхтыс.

— Ух, анъ и тахсэв! — Пашка мовинтас.

Пыгрисит рогожа тармыл унтсыт и олтынгысь ёлалъ тахамтасыт.

— Самагын такысь лап-пантэгын — туйт сака хои! — Серёжа ронгхыс.

Этипалаг Васька Новогодов ус рогожанг тагыл сипн ёхтыс.

— Вась, иен ман ётув тахсунгкве, — Серёжа вовыстэ.

— Акв пал минэн! — Васька лавыс и валенка нёлыл туйт хилунгкве патыс.

Тахсын няврамыт ляльт сунсим, Васькан люлюнгкве молях марсюмыг емтыс.

Тав такви рогожатэ сип тармыл пиныстэ ос кентэ нонгх-масыстэ.

— Васька юв! — тав ронгхувлас и ёлаль нуйхатас...

ТАРВИТЫНГ ЗАДАЧА.

Серёжа нила классынг Уржумский ус училищат ханисьтахтыс. Тав сака ёмас ханисьтахтыс. Мот ёмас ханисьтахтын няврамыт нёланыл нумыл тотыгласаныл, тан вагтал ханисьтахтын няврамыт коныл ёхсаныл и эсыгхатыгласыт: „Ам матыр хурип хунь, ам ёмас ханисьтахтын пыгрись!“

Серёжа нэмхуньт ат эсыгхатыглас. Тав ат урхатыглас, хунь тав вовунгкве патаве: „Костриков, тюпынг, тии торгамтаптэлн!“ Сав сёс

такви сарыг ёхтыглалыс и юртэ китыглалыс: „Манрыг пунгкын ёлаль таратаслын? Манрыг кастал патсын?“ Ат торгамтан вармалит юртэн торгамтаптыгласанэ.

— Ань торгамтаслын?—Серёжа китыгласыс.

— Мосьнув торгамтасум,—юртэ ювле лавыглас.

— Тонт ос акв сёс сунсылтэгум!

Серёжа кит сёс, хурум сёс тавен сунсылталыс.

— Торгамтасум, торгамтасум!—ханисьтахтын пыгрись, юи-овылт, ронгхыглас и такви, Серёжатал, задача решайталыстэ.

Няврамыт Серёжал помасьлахтасыт, симаныл сяргысыт.

— Вот сотынг!—тан лавыгласыт.—Нанг палтын варнэ утын пуссын тара тэли!

Но тии сяр мот сирыл олыс: и Серёжа палт товнакт пуссын нэматыр ос ат емтыглас.

Аквнакт тав задача решайтангкве патыс. Задача вата хум урыл олыс. Вата хум такви пормасэ тиналас. Тав лапкатэт атхойплов аршин ситец, лов аршин сатин, ат аршин батист олыс. Тав палтэ ёвтхатын махмыт ёхтысыт. Тав овыл хотпан ат аршин ситца, ат аршин сатин, акв аршин батист тиналас. Китит ёвт-

хатын хумн хурум аршин ситец, хурум аршин сатин и акв аршин батист тиналас. Хурмитн — кит аршин ситец и кит аршин сатин тиналас. Вата хум палт лапкат манасавит тор хультайс? — задачат китыглахтыс.

„Копнит задача“, — Серёжа номсыс и ловинтангкве патыс.

— Атхойплов ос лов, ос ат — емти ват аршин. Вата хум мансавит тор оньсяс. Ат ос ат. . .

— Лаелын, Костриков, нэматыр ат емти. Мотнакт решитилмен! — приютский няврамыт ронгхалтахтасыт и кон-ёнгунгкве хайтсыт.

— Емти!

„Ат ос ат, ос аква — аквхойплов емти. Ти савит тав овыл ёвтахатын хумн тиналас. Хурум ос хурум, ос аква — сат емти, — ти савит китит хумн тиналас, хурмитн батист, сатин ос ситец тиналас. Вата хум савитэт ват нупыл хурум аршин тиналас. Тав палтэ сат аршин хультайс“.

Серёжа книгат ответ сунсыстэ, а тот нёлолов аршин.

— Вот нангын и фунт? Акв аршин хоталь минас?

И ильпииг ловинтангкве патыс:

— Хурум ос хурум, ос аква. . .

— Серёжа ман палтув иен! — коныл Пашкан воваве.

— Акв палн минэн!.. Хурум ос хурум, ос аква... А Васька Новогодов Пашка аман ёхтитэ? Танай хумус нуйхатэыг, топ лагыл юнганэн воляталэыг, акв аршинум хоталь минас?

Серёжа ос ильпииг ловинтангкве овылтахтыс.

Ловинтас-ловинтас—акваг сат аршин енти. А ответ сирыл—нёлолов.

Серёжа задача нупыл кантмаявес и тетрадка катэ тармыл сяхнил юныгтас.

— Сяр мак нангын решитилум!

„А аман ат ловинтилум, манасавит вата хум савитэт сатин тиналас, мана савит батист ос манасавит ситец?

Сар, ильпииг овылтилум. Овлэт ёвтнэ хумн тав ат аршин сатин тиналас, кититн—хурум аршин, хурмитн—кит. Та сир ке, савитэт вата хум лов аршин сатин тиналас.

А батист тав манасавит тиналас? Сартын ёвтхатам хумн акв аршин, кититн-аква, хурмитн...

Ой, тав хурмитн ведь батист ат тиналалыс!

Маныр оссам, хумус тии таратаслум!— Серёжа мовалас.— Аршин хонтыслум“.

Серёжа ильпииг задача хансыстэ и ёмасыкве ответ тув-хансыс: „нёлолов аршин“.

„Ань сяр макыг решитаслум!“

Тав книгатэ ос тетрадатэ сумкан магум-
тасаге, супе сёпитас и кона няврамыт палт
нуйхатас.

Вармаль варсын — пилтал яласэн!

ТОТАП ТАРМЫЛ ОЛНЭ ХУМ.

Серёжа Уржумский училищат ёмас ханись-
тахтыс. Такем та ёмас ханисьтахтыс, ханисьтан
махмыт вата хумит ёт таве элаль ханисьтах-
тунгкве кетнэ урыл потыртахтасыт.

Серёжа Казаньн ханисьтахтунгкве минас.

Казанский промышленный училище ус
овылт унлыс, а Серёжа мот ус овилт олыс.
Училищан ёхтынэн мус, нелмын кона-пати!

Алпыл нёлолов сёс порат училищат ха-
нисьтахтын пора овилтахти. Махманэ пуссын
инг хуегыт, Серёжа та порат та нох-квалыглас.
Тав барыня палт турман кол самт олыс и тота-
прись тармыл хуянтас. Тотапрись вати олыс,
и тав тармылэ топ калась хольт сюнγκыртах-
тим хуюнγκве ровыс.

Серёжа алпыл хот сёс порат нох-квалыглас
и няр лаглыл тэнут варнэ колнакн ловтхату-
нγκве миныглас. Нэмхотьют нонгх ул вос
сайкалас, сопакаге нонгх ат масыгласаге. Тав

сопакаге тарвитынгыг олсыг. Хунь тав кол хосит яласас, сопакаге сака хопылтасыг. И тэнут варнэ эква Матрёна мовинталыс:

— Нанг аквтоп керынг лаглуп лув хольт яласэгын!

Хунь Серёжа алпыл училищан миныглас, а иснас кони-палт яныг раkv суйтыс, вот сивгыс, тэнут варнэ эква таве салиталыстэ ос лавыглас:

— А нанг, нэпакынг хум, лёнгхын сёпитахтасын... Стакан сяй аен, ам самварум аквти сёс асти!

Но Серёжа сяй аюнгкве ат алималыс: тав училищан сака молямлас. Лонгхансяп хосгын юиовыл минута торыг, тав училищан ёхтунгкве ат тангхыс.

Тав сака послунгкве, сюртунгкве, задачит решайтангкве эруптас, картат усыт, ятыт кинсунгкве тангхыс.

И этипалаг моляхнув уроканэ варунгкве тангхыс, но товнакыт тав урхатыглас, хунь тэнут варнэ эква пасан хот-сёпититэ: анит хот-ловтиянэ ос анит кол кивырн унттиянэ. Тит, анит ловтнэ пасан тармыл тав такви чертёжанэ сюртыс.

Матум Матрёна аквтоп намыл ласялакв анит сёпитас. Туп-туп нёвсыс. Серёжа урхатунгкве

ат вермыглас, касай ос вилкат алмаялыс и тананыл систамтангкве овылтахтыглас. Такем та систамтас,—топ конловлаге вопсысыг. Тэ-нут варнэ эква рохтыглас:

— Ой, пыгрись, касай ос вилкат нал ул сакватэн. Косяй пормас.

Тувыл Серёжа, тетрадка-тэ вой ломтыл ат пангктын магыс, пасан ёмасыкве хот-ловтыг-ластэ. Пасан тармыл систам нэпак ломт кноп-катыл ханлыглалыс, циркуль войлас ос сюр-тунгкве овылтахтыглас.

Касынг порат этипалаг барыня ёхталас. Тэ-нут варнэ эква Матрёна таве „Холаг“ лавыстэ. Барыня шкаф кивырт, духовка кивырт и койка ёлипалт сунсыглахтыглас.

— Сюкункан люльсанг ловтмын, духовка кивырт нянь ломтыт, койка ёли-палт мань пангк ломтыт хультмыт,—барыня Матрёна нупыл лявтыглас.

Пуссын систамыт олсыт кос, барыня нас-қассыг перхатас, лявтунгкве тангхыс. Тэнут варнэ эква нупыл лявти, тувыл Серёжа нупыл овылтаhti.

— Най ул пеламтэн. Манрыг лампа яныг наил тэг?

Лампа най такем ёл-лаквтитэ, Серёжан сюр-тунгкве ат нангки, турман.

— Номелын и пумасипа латынг лавен! Ам нангын саль магыс оньсилум! Вата хумыт кол сам магыс сяр мось ломт ойтэгыт,— барыня Серёжа нупыл лявти.

Серёжа суйтал хунтли ос ювле нэматыр ат лави.

Тав маныр варунгкве верми,—уржумский вата хумыт тох мосься олн ойтэгыт! Хунь вата хумыт таве Уржумныл Казаньн ханись-тахтунгкве кетсаныл, ти барыня хольт латнгыл лавыгласаныл:

— Ман ёмас махмыт, ман нангын манки олнанувтыл ханисьтангкве патилув. Нанг маг-сылын олн ойтунгкве эри: ханисьтахтын ма-гыс, олнэ колын магыс, маснут магыс, тэнут магыс. Нангын топ ёмасыкв ханисьтахтунг-кве эри.

Серёжа тан латнганылтал ёмасыкв ханись-тахтыс. Тав ханисьтахтунгкве тангхыс.

Нила этпос холам юи-палт училищат Серёжа эсгын нэпакыл майвес. Ти нэпакт сорнинг бук-вал хансим олыс: „Ханисьтахтын пыгрисьн Серёжа Костриковн ёмас ханисьтахтынэтэ ос ёмас таквинатэ осьнэтэ магыс“.

Серёжа ти урыл вата хумытн нэпак тара хансыс. Наскасыг арум ул вос лявыльтияныл. Но ювле письмал ат ёхтувес.

Ат хотал холам юи-палт, урокыт астысыт, тав палтэ надзиратель ёхтыс и лавыс:

— Костриков, нанг инспекторн воввесын. Серёжа инспектор палт минас.

— Нанг китхойплов число мус ханисьтахтынэн магыс олн ат ке ойтэгын, нангын училищаныл хот-нявлилув.

— Ам магсылум уржумский вата хумыт олн ойтэгыт,—Серёжа ювле лавыс.

— Касасегыт ке—ойтэгыт, ат ке касасегыт—ат ойтэгыт,—инспектор лавыс.—Тит ти письма кетсыт: вата хумыт воссыг нанг магсылын ойтунгкве ат тангхегыт.

Серёжа кабинетныл кон-квалыс, коридорт люлис-люлис и ласялакв такви классэн ёмантас. Училищаныл Серёжа кастал ос номсим ювле ис.

Манрыг олн ойтунгкве пойтсыт? Тав ёмас ханисьтахти.

А юн мот петан урвес. Этипалаг, касынг пора хольт, уроканэ ханисьтангкве патыс. Пасан похын унтунгкве ат алимас,—ави палыг-пусхатас, барыня сялтыс. Тав номсыс, барыня касынг хотал хольт овлэт Матрёна нупыл ляв-тунгкве пати, а тувыл таве лявыльтангкве пати. А барыня пасан похын ёхтыс, лавыс:

— Лампа хот-харыгтэлн, наскассыг керосин титтэгын.

— Анузн уроканум сёпитангкве эри,— Серёжа лавыс.

— Ам ман тэлам!— барыня ювле лавыс. Лампа хот-харумтастэ и такви минас.

Серёжа тэнут варнэ колнакт унли — турман, суйтал, топ ловтхатын хусапный вит ани кивырн пасгынэтэ суйти.

„Улпыл, барыня ёл-хуяс,— Серёжа номси.— Лампа сар нох-пеламтэгум и чертёж варунгкве патэгум“.

Серёжа лампа нох-пеламтас и топ хаснэ ив ос линейка катн вис, хумус ави палыг-пусхатас и тэнут варнэ колнакн сяттапас.

— Мот олнэ кол кинсэн,— ам нангын олнтал оньсюнгкве ат вермилум. Вата хумыт письмо кетсыт. Нанг магсылын воссыг ойтунгкве ат тангхегыт.

Барыня такем та ронгхыс, такем та катагетыл хосгыс, лампа пасанныл мось ёл ат хосувластэ.

Барыня ронгхыс-ронгхыс, лампа лап-харумтастэ и ёла-хуяс. Серёжа пунгке катаге тармыл пиныстэ и тох турмант сёс палит унлыс. „Ань хумус олунгкве патэгум?— Серёжа номсыс.— Олнэ колныйл нявлавем; училищаныл нявлавем; сопакагум хот-саксыг; холитан кастыл тэнут винэ олн ат оньсегум, ти хотал урок ат вар-

сум. Чертёж холитан урокыт эли-палт вари-
лум“,—Серёжа лавыс.

Серёжа эт палит ат хуяс. Улум мус тавен
хунь олыс! Туп посаянгкве патыс, тав чертёж-
ный парт, нэпак, книганэ алмаяс—и хайтим
училищан минас.

Серёжа ус хосит хайти, вильтэн асирманг
вот воти, асынг сопакен вит сялтыс. Училищан
ёхтыгпас. Сялтнэ ави лап-пантим олыс. Карта
палт хайтыс—и карта ави лап-пантим олыс.
Нэмхотмус тув-сялтунгкве ат ровыс.

—Ах, ти сирыл-ке!—Серёжа лавыс и
ярппи ултта вангкыс. Карта кивырт ёми, сунси—
тэнут варнэ кол авитэ палыг-пунсим оли, ави
похат матум—училище урнэ ойка люли и мань
хоссуприсил такви пальтатэ систамти. Серёжа
тамле минута урыс, хунь тав мот нупыл ёнг-
хыгпи, тонт тав училищан сялтапас. Лагыл нёл
тальхыл турман коридор хосит такви ханись-
тахтын классэн хайтыс. Витынг шинеле хот-
ангхвыстэ, иснас ляпан парта лаквтыс, та
тармыл сюртнэ парт пиныс, сюртунгкве
патыс.

Серёжан нэмхотмус сюртунгкве ат ровыс.
Классыт турман, сюртнэ партэ партаныл ёл-
лакви. Но Серёжа сюрти. Урок варунгкве
эри.

И тав хоткепыл уроканэ та варсанэ.

Кон сяр посынгыг емтыс.

Серёжа сака хуюнгкве тангхыс: тав эт палит ат хуяс. Серёжа пунгке партаге тармыл пиныстэ и юнсунгкве патыс.

— Нанг манрыг сака алпыл училищан ёхтысын?—хотьют-та тав нум-палэт лавыс и тав супет хасумтантвес.

Серёжа самаге палыг пуссаге. Тав эли-палэт акв классыт ханисьтахтын пыгрисиг Митя Асеев ос Вася Яковлев люльсыг.

— Барыня аnum оlnэ колныл кон-нявлитэ,— Серёжа лавыс,—ос инспектор училищаныл хот-нявлунгкве аnum пилуптитэ.

— Ул пилэн, мен Васькал нангын нётила-мен. Мен палтумен олмыгтангкве иен. Мен колнакрисьмен сака мань, но хотмус акван лаплахтэв. Колкан тармыл хуюнгкве патэв.

— И ханисьтахтын магыс ойтнэ урыл матыр номылматэв. Нанг ёмас ханисьтахтын пыгрись: казённый счётыл ханисьтангкве патавен,— Вася лавыс.

Серёжа тара сягтыс.

— Помасипа, пыгрисиг!

Лилинг тагыл олунгкве ёмас, хунь ёмас юртыт оньсегын, хотьютытн ярум порат лилин нэгылтаве.

КАРЦЕР.

Серёжа Горький хансум книга „Олнэ вар-малъ вильт эли палт“ сака ловинтангкве тангхыс. Ти революционный книга, и катнпатту-нгкве сака тарвитынг олыс.

Аквнакт илттыг ванэ студент, Фёдор Иванович, Серёжан ласялакв лави:

— Маныр нанг вовыгласын, ам катнпаттыслум!

— Катнпаттыслын?! Хот оли?

— Ти хотал этипалаг театрын ёхтэн и выглын.

— Театрын?—Серёжа хот-рохтуптахтыс.

— Остыгыл. Ам юртум ти книга тув-тотитэ.

И Фёдор Иванович такви пальтатэ сепныл хурум театр контрамарка нох-вис и Серёжан мисанэ.

— Юртан ёт вовунгкве вермегын. Топ книга урыл акв латынг ул лавен.

— Хул хольт суйтал олунгкве патэгум,— Серёжа лавыс и такви юртанэ Митя ос Вася театрын вовунгкве хайталтахтыс.

— Ура! Театрын минэв!—Митя ронгхалтахтыс и такви кентэ нонгхаль воськастэ.

— А хумус ман минэв? Ман ат тартвесув,— илттыг Вася лавыс.

Тит Серёжа тара номылматыс, инспектор тарататтал театрын ялунгкве ханисьтахтын няврамытн ат рови. Тав сягтме порат ти урыл сяр хот-ёрувлалыглас.

— Театрыт инспектор ке касалавев, карцерн унттавев,—Вася кастал патыс.

— Ат касалавев: театр яныг,—Митя лавыс. Серёжа нэматыр ат лавыс, а такви номси: „Тамле книга магыс рови и карцерт унлунгкве“.

Этипалаг юртыт театрын миначыт.

Театр ави нум-палт яныг фонарит тэсыт. Тыгле ос тувле городовоит яласасыт.

Серёжа топ юртанэ ёт театрын сятлунгкве емталас, илттыг хотьютн катэт пувумтавев. Юртанэ ювле анкватасыт и ёла мось ат унтхатсыт.

Макарка!

— Нан хумус тыг-ёхтысын? Тартнэ нэпак оньсегын?—школьный надзиратель Макаров китапахтыс.

— Инспектор такви манкинав ёмас тотнэв магыс таратастэ!—Асеев таве лаплыстэ. Тав надзирательн номылмахтунгкве ат мис и Серёжа ос Вася ёт подъездын сялтыс. Яныг театр зал ховтытыл ос сав сир торыл хорамтим олыс. Оркестр ёнгыс. Театрыт сака сав мир ос сав студентыт олсыт. Юртыт ёмасыкве сунсыглах-

тунгкве ат алимасыт, хумус зала авит инспектор Широков ос тав ётэ Макаров нэглапас. Юртыт коридорн хайталтасыт. Но тит нэматыр ат вермысыт! Макаров лёнгх лап-люлисте и кантынгысь лавыс:

— Господин инспектор нанан тыг-тартунгкве ат и номсыс; и ти минута сис юв-минэн.

Серёжа ос тав юртаге суйтал ахвсалахтын колнакн миначасыт.

— Пыгрисит, тит хультэв,— Серёжа лавыс. Тав студентныл сака книга вингкве тангхыс.

— Хультэв! Хультэв!— Митя пунгке хосгыглас.

— Ой, юв ке миннувув! Хотмус люль ул вос олыс!— Вася лилтаяс.

— Минэн, нангын нэмхотыют ат пуви,— Митя ювле лавыс ос Вася нупыл тох ангкватас, тав потыртангкве хот-пойтыс.

Тонт хурум пуссын пальта тагатан ма сайн туйтхатсыт. Лов минутакем люльсыт, а тувыл пуссын нох-хахсыт.

Нумн ёнгунгкве овылтахтасыт. Заланыл скрипка ос рояль суй суйтыс. Ёнгын нак пойтнэ халт, хунь юи-овылт пуссын катпатта ратунгкве патсыт ос хунь ронгхалтахтасыт: „ёмас, ёмас, ос акв сёс!“,— юртыт акв палэ турман залан сялтсыт и нэмхотыют ат унлын ман унтсыт.

Сценан карыс, кантынг вильтуп эргын ойка нэглис и „Павыл кан хосит вотас вотасты“ эргунгкве патыс.

Тавен, улпыл, эргунгкве тарвитынг олыс: тав лагыл талых тармыл люлиглас ос такем та вильтэ выгрыг емтыс, Митя хот-мовалас: „Сяр аквтоп пувлын колныл кон-нэглис“.

Но Серёжа эргын ойка нупыл тэлэтэ ат олыс.

Тав тыгле-тувле ёхсыс, турманнув залат палт Фёдор Иванович касалангкве тангхыс.

— Манрыг нанг унлунгкве ат вермегын? Сунсунгкве торас варегын,— Митя сяргунгкве патыс.

„Маныр тавен ювле лавегум — Фёдор Иванович кинсэгум? Митька тара китыглангкве пати. А нангын манрыг таве эри? Манрыг? Маныр магыс?“ — И Серёжа суйтал олыс, нэматыр ювле ат лавыс.

Антракт ёхтыс. Фойет ильпииг оркестр ёнгунгкве патыс. Серёжа унлын матэныл нонгхлюлюмтас.

— Нанг хоталь? — Вася рохтыс.

— Фойен.

— Ос тах Макаров палт нэглапимен.

— Соль. Минунгкве ат хойхати, Серёжа,— Митя лавыс.— Касалавев и юв-кетавев. Концерт палитэт ат сунсэв.

„Тав торас варнэтэ ке васум, сяр нэматыр магыс ёт ат вовыслум“, — Серёжа номсыглас и илттыг мот нупыл квалапас.

„Нанг хоталь?“ — Митя мось ат ронгхувлас. Но Серёжа такви ёл-люлюмтас.

Тав нупылэ сиси люлюм студент сис пал-ныл сяр аквтоп Фёдор Иванович хурип олыс, ювле ёнгхувлас. Серёжа ат ванэ хоса нёлуп сам керынг ойка касалас.

— Мотан!

Серёжа тистувьяс, лилаяс, улас тармыл унтыс. Аман соль ти хотал тав хоса урнэ книгатэ катн ат паттитэ? Аман соль катн ат паттитэ?

Концерт оигпас. Тох Серёжа студентэ ат касаластэ. Тэв кастал унлыс. А Митя сягтим олыс ос катаге сартыглас.

— Та хольт пуссын ёмасыкв емтыс: и музыка, и эрыг хунтлысув, и Макарка лаплысув!

Но Митя сака сартын сягтыс. Хунь ёнгын ма торыл лап-пантвес, махмыт масхатунгве ёлаль миначыт, юртпыгрисит ос миначыт.

Колонна похыт кантмаим Макаров люлис, тан нупыланыл сунсыс. Юртпыгрисит тара миначыт, школа надзиратель ат васаныл. Тан масхатсыт и сав элмхоласыт ёт кональ минунгкве патсыт.

„Ти сёс Фёдор Иванович колн хайталэ-гум“,—Серёжа номсыс и юртанэныл ювнуб хультыс. Митя ос Вася исыг ос ус хули палитыл потыртасыг, эргын ойкатыл хотьют ём-сяквнуб эргыс.

— А Серёжа хот оли?—Митя китапахтыс.

Юртпыгрисиг ювле анкватасыг, а Серёжа и лёнгхе ат нангки!

— Тав хот оли? Аньти тит олыс—и илттыг атим,—Митя рохтыс.

— Минимен моляхнуб. Тав ань, улпыл, юн оли,—Вася лавыс.

А Серёжа ти порат Грузинский ус хули хосит студент палт хайтыс. И ти хотал эти-палаг тав книга катнпаттыстэ.

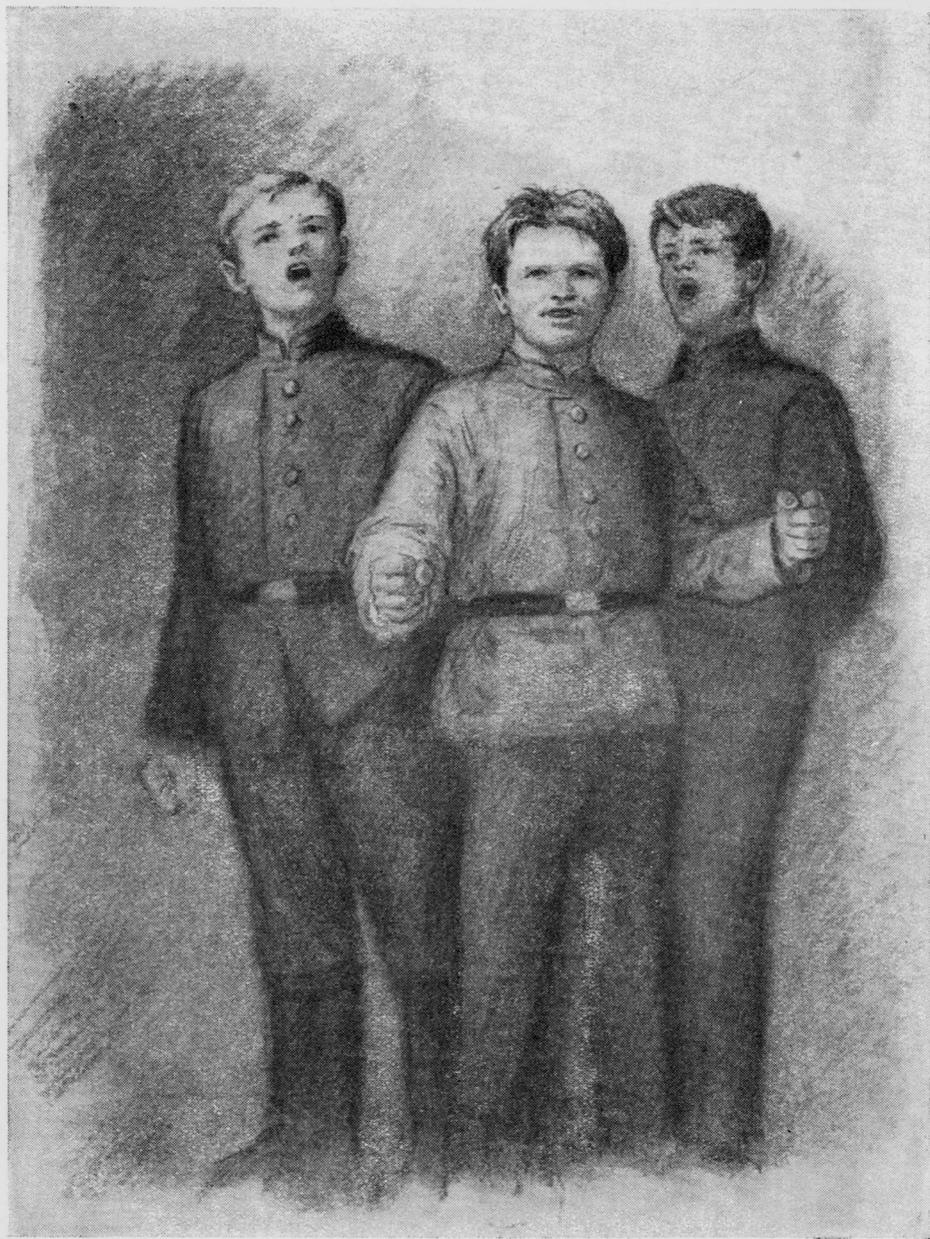
Алпыл Серёжа ос тав юртанэ, касынг пора хольт училищан минаят, а тот Макаров тананыл ури:

— Ёхтысын-а, уйквет! Я-та пуссын хурум карцерн минэн!

Тав тананыл карцерн унттысанэ—мань тур-манынг колнакрисьн—и туманыл лап-пантсанэ.

— Ань вангкве патэгын, хумус театрын яласангкве,—Макаров лавыс.

Юртпыгриситн карцерт китхойполов сёс унлунгкве эрыс: алпыл нёлолов сёсныл и эти-палаг нёлолов сёс мус.

Тан марсюмлангкве ат номсысыт. Овлэт лагланылт кумрысыт, тувыл персисыт, тувыл чехардал ёнгунгкве овылтахтыгласыт, а юи-овылт эргунгкве патсыт.

Овлэт Серёжа эргалтахтыс:

Хотал нэгли ос ёл-унти,
А ам каснаколумт турман...
Хотыл ос эти писалинг ойкат
Ам иснадум урегыт,—

Вася ос Митя нётунгкве патсыг.

— Манрыг нанг тох сягтсын?— Митя хот-рохтуптахтыс.

— Нас!

Серёжа эргыс, а такви номсыс:

„А книга сёс-таки ам палтум! Хуйнэ ма ёли-палт туйтим оли. Холитан усьлахтын хотал. Хотал палитн Волга я похан минэгум. Суйтал самн сялтэгум, хот махум мосься, и ловинтангкве патэгум. Книга янитэтыл ловинтилум“.

Этипалаг нёлолов сёс порат тан кон-тарт-весыт.

— Кон-квалэн, пувим утыт,— Макаров лавыс.

Митя сака сягтыс, Макаров тананыл пувим утыг лавсанэ.

— Ман аквтоп сяр соль революционерыт хольт каснэколт унлысув,— тав лавыс.

Серёжа кунятас, а такви номси:
„Тамле книга магыс китхойплов сёс хунь,—
а пуссын хус сёс карцерт унлунгкве рови“.

ЛИСТОВКАТ.

Серёжа каникулт акве палт ёхтыс. Акве
такем та сьгтыс, хот-люньсялтахтыс.

— Апыг, Серёжакве! Нанг сяр янгыг
емтсын!

И соль: Серёжа ти тал сис такем карсыг
ос вангнынг-консынгыг емтыс.

— Аньэква, ам хотхойплов талум. Молях
тусыт яныгмегыт,—Серёжа мовинтас.

— Нанг юртын Санька тусанэ яныгма-
сыт.

— Тав хумус оли?

— Ёмаснув. Та янитыг та емтум. Каланча
хурип!—акве мовалас.

— Ам каланча?—Санька илттыг такви ки-
тапахтыс, коныл иснасыл сунсим.

— Саня, пася!—Серёжа ронгхувлас.

— Пася, Серьга,—Саня ювле лавыс и юв-
сялтыс.

— Ну, ань сат хотал сис потыр товыл-
хати,—акве лавыс и тэнут варнэ колнакн минас.

Юртыг палыг-пунсим иснас похын унтсыг,
и тит потыр та овылтахтыс:

— Хумус нанг Казаньт олэгын?

— А хумус нанг Уржумт олэгын?

— Манхурипат нан учителян?

И илттыг Саня латынг котильт иснасыл
кона-ангкватас и кат хосгунгкве патыс.

— Пася, Павел Иванович! Пувлунгкве ял-
сын?

— А-а. Вит ти хотал сака ёмас,—ювле
хотыют-та тур суй суйтыс.

Серёжа иснасыл кональ ангкватас. Тав кон
хасьтал мань хоса атуп ос мань тальхынг,
энгнуп хум касалас. Вангнэт витынг вильт сэгнэ
тор ханас.

— Вайхатэн. Тит-ти ам юртур, Серёжа
Костриков. Тав Казаньныл каникулн тыг-
ёхтыс,—Саня лавыс.

— А ам Казанский университетт кит тал
ханисьтахтасум,—Павел Иванович мовалас.

— Тав ссылкан кетим хум. Революционер,—
Саня Серёжан суйтал лавыс.

— А нанг, мань хум, таком-та яныгмегын,—
Павел Иванович Саня урыл осьхольлас и Серё-
жа ос Саня муйлунгкве такви палтэ вовсаге.

— Ам ти ус хули хосит, сип ёли-палт вось-
рам колт олэгум.

— Тав ёмас хум, элмхолас салити,— акв эква студент эсгыс.— Тав сав сёс аумн вит витвонгханыл тотыглас.

— Тав тыг ат талн кетвес,— Саня лавыс.

— Ох, сав мир посынг вармаль магыс савалэгыт!— акв эква тистувьяс.— И каснаколт, и ссылкаг кетнэ мат олыс.

Серёжа номсунгкве патыс. Тав такви акв-накт вас, хумус революционерыт ссылкан нявлувесыт.

Пувим махмыт уржумский ус хули котиль хосит исыт, а тан поханылт лув тармыл урнэ махмыт исыт.

Серёжа хосат ссыльный махмыт ёт вайхатунгкве тангхыс. Юи-овылт, сяр мак политический хум ёт вайхатас и таи таве муйлунгкве такви палтэ вовыстэ.

— Сань, холитан студент палт минимен,— Серёжа Санян лавыс.

И мот хотал этипалаг тэн сип ёли-палт унлын восьрам колн миначыг.

— А, муй хумыг лув овыл пурасьлангкве ёхтысын,— хасьтал, матумнув карыс ссыльный хумн мовинтим, тэн сохрипт ляльт хонтвесыг.— Я-та, сялтэн, пыгрисиг, пасан похын унтэн!

Серёжа ос Саня колнакн сялтсыг. Ссылныит сяй айсыт. Павел Иванович ёхтум юртаге

мотанытн хултмалтасаге. Кол кивырт онтолов хотпа олыс. Серёжа ос Саня вангкве патсыг, тит мань, матум, студентыт ос рабочиит олсыт, карыс матумнув ссыльный ойка опарись наме— Зоткин, тав Путиловский завод рабочий, слесарь.

Овыл эт Серёжа ос Саня ссыльныит палт акв сёс унлысыг и потыртасыг. Кит хотал холам юи-палт тэн ильпииг сип ёли-палт унлын колн миначыг. Тэн ань акв Павел Иванович хунь воввесыг, но и слесарь Зоткинн, ос пуссын мот махмытн воввесыг.

— Ам ваглум, нэн ёмас пыгрисиг и ам сирумтыл суйтал олунгкве хасэдын,—слесарь Зоткин хурум сат холам юи-палт лавыс.

„Хасимен!“—Серёжа ронгхувлангкве кос тангыс, но эссамтахтыс.

— Ти вармалит, юртыг, ургалахтунгкве эри. Манавн мосьнуб нётунгкве эри.

— А маныр варунгкве эри?—Серёжа китас; тав катаге хот-торгалтахтасыг.

— Листовкат!

И слесарь Зоткин юртанэн потыртангкве ос сунсылтангкве патыс, хумус листовкат печатайтангкве эри. Ропата мосься хунь олыс: глицерин ос желатин аптекат ёвтунгкве эрыс. Уст топ акв аптека. Пуссын акв сёс ёвтунгкве

ат рови; аптекан пераманил ялунгкве эри, няр пунгкуп ос осынг аптекаръ ул вос ханьсистэ маныр магыс ти няврамыгн ти савит глицерин суля эрмыглас? Тувыл глицериныл мазь хурип ут пайтунгкве эри. А тувыл листовкат печатайтангкве...

— Ну, пуссын торгамтасын?— Зоткин китапас.

— Пуссын!

Серёжа ос Саня нёлолов хоталкем глицерин магыс аптекан ялантасыг. Тувыл мазь хурип ут пайтсыг.

И эти, хунь колынг махмыт пуссын хуясыт, Серёжа ос Саня пес пувлын колн миначасыг.

Тэн тит пувлын кол иснас лэптал лап-пантыстэн, фонарь пеламтасыг ос листовкат печатайтангкве патсыг. Листовкатт хансим олыс, маныр магыс нуса махмытн люльсынг олхатас, а сёлынг махмытн ёмас олхатас, и хотьют тит виноват. Ёлн, листовка юи-овылт, яныг буквал хансим олыс: „Хон хот-нявлунгкве, пася революция!“

Серёжа ос Саня тамле листовкат ёт городоитытн ке пуввесыг, тэн тара каснэколн унттынувег.

Серёжа ос Саня печатайтасыг, а тэнки хунтлысыг, аман хотьют ат юв. Серёжа кона

кит сёс сунсунгкве квалапалыс. Кон суйтал, турман... Топ пумыт халт пум тослупат суйт-сыт, ос ус хули овылт амп хорти.

Тэн алпыл мус ропитасыг, а хунь хотал нэглис, мис урнэ ойка тур хосит ёнгалтахтыс, мисыт хара ман нявлысанэ, Серёжа ссыльныит палт хайтыс.

— Мен пуссын варсанамен,—тав Зоткинн лавыс.—Хурум сат листовка емтыс!

— Ёмас пыгрисиг,—слесарьн эсгувесыг.—Ань нэнан юи-овыл ос сяр пилюсьманг вармаль хультыс: ти хотал эти ти листовкат ус янитыл, тиналахтын матн ос Малмыжский лёнгхытн пахвтунгкве эрегыт, сунсэн, топ городской катн ул паттэн. Ургалахтим олэн.

— Ургалахтунгкве патимен!—Серёжа ювле лавыс.

Этииг емтыс. Серёжа ос Саня атхатунгкве патсыг. Тэн молямтахтим листовкат сепн, ханыл паттан магсаласанэн. Суп сепанэн янгыг парсатахтасыт.

— Овлэт базарын, тувыл Малмыжский лёнгхын минимен,—Серёжа лавыс.

Тэн фонарь хот-харыгтастэн и пувлын кол-ныл кон-квалсыг. Тувыл ургалахтим, лагыл нёлыл карта тара миначыг и кона-квалсыг.

Ус янитэт хуяс.

Тэн молях ос суйтал хуйнэ ус хосит ёмсыг и молях тиналахтын ман ёхтысыг.

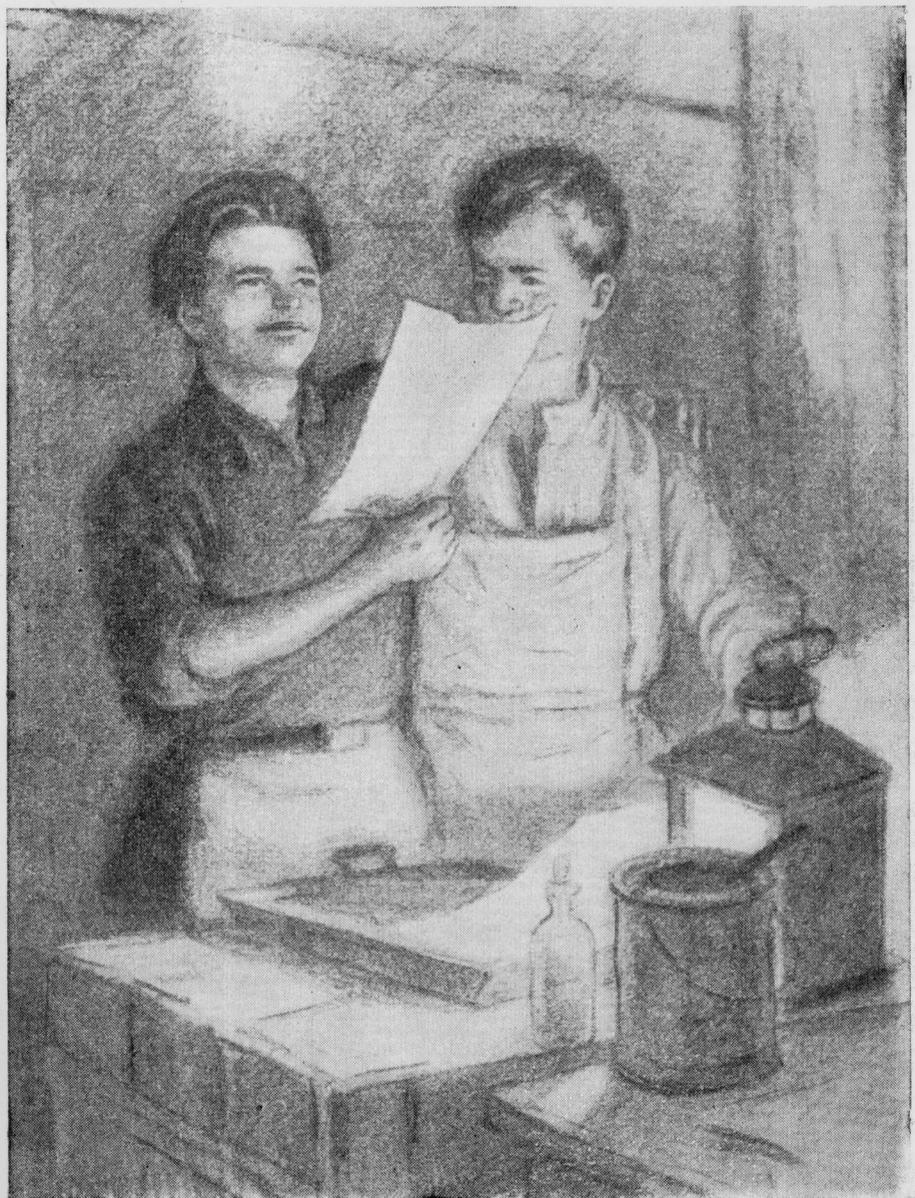
— Овылтэн,—Серёжа суйтал лавыс.

Ёл-моқыртахтим, тэн ив нормат палт хайталтахтасыг, хот крестьяныт танки пормасаныл—сяквитынг сулипутыт унтталасыт. Суйтал ос молях Серёжа ос Саня листовкат норматнапахвтыгласыг. Касынг овылныл суй суйтыглас. Ти керим лувыт пум тэсыт. Суныт тармыл ос суныт ёли-палт базарн ёхтум крестьяныт хуясыт. Товнакт хуйнэ махмыт нёвсыглалсыт, нох-квалыгласыт. Серёжа ос Саня ти торыг нормат сайн туйтыгпахтасыг; хунь сяр суйталыг емтыглас, тэн ильпиинг ропата варунгкве овылтахтыгласыг. Молях нормат пуссын листовкал пантим олсыт.

— Ну, астыс,—Серёжа суйтал лавыс.—Ань Малмыжский лёнгхын хайтимен.

И тэн хайталтасыг. Лёнгх мус хосанув олыс, а ропата алпыл мус варунгкве эрыс. Акв карыс картанг ос кер калитканг кол похыт Серёжа ёл-люлюмтас, сепныл матахкем листовка вис и карыс карта ултта садн лисанэ. Саня рохтыс, тав катэн пувумтахтыс. Ти колт сяр яныг уржумский косяй—исправник Пенешкевич олыс.
— Хайтимен!

Серёжа Саня какыр похет юныгтастэ, и тэн, манакем ёр осьсыг, хайталтасыг. Хунь ус хули

сис палт хультыс, Серёжа ласялакве суйтал лавыс:

— Вос ваганыл, революционерыт и эти ат хуегыт!

Ус сад юи-овылт пыгрисиг сопаканэн хот-ахвсанэн и Уржумка я ултта ёмыстэн. Я та палт тара Малмыжский лёнгх овылтахтыглас. Я кит пал мус вор нангкыс. Топ Серёжа ос Саня вор мус ёхттахтасыг, илттыг юи-палт вати суинг кисгын суй суйталтахтыс. Аквтоп, сяр ляпат кисгысыт. Серёжа ос Саня ворн хайталтасыг. Тот нявылхатын махумныл туйтхатунгкве ровыс.

Овыл кисгын суй юи-палт китнтыг суйталтахтыс, и юи-овылт сяр суйтал патыс.

— Ёл-люлен!—Серёжа Саня ёл-поилтастэ.—Хоталь хайталтахтасын? Листовкат пахв-тунгкве эрегыт.

— Соль!—Саня лавыс.

Тэн лёх хосит миначыг и листовкат тит, тот хультуптасыг: нир сяхылт, хулитт, ос лёнгхыт. Акв сёс суп сис листовкат пуссын пахвтысанэн.

— Ваглын, Саня, ювле мот лёнгх хосит минимен сар,—Серёжа номылматыс,—поли-цейский кисгын суй олыс. Эрынг, мен я ултта уснэ мат городовоитн карвильтавемен.

Лёх няр тара минач. Пыгрисиг асирманг витн ёл-сялтсасыг. Саня сака кантлыс и сяргыс.

— Юв-ёхтимен—тослахтимен,—Серёжа юртэ поилтталыс.

Постыглангкве патыс. Витынгыг, вагтал патумыг, но сьгтим юртыг юв-ёхтысыг.

Тэн революционерыт майлум вармаль сака ёмасыкв варыстэн.

— Ань ёл-хуимен,— ам сака вагталпатсум,— Саня лавыс. Но тав хуонгкве ат алимас. Базарныл сака рохтум акв эква ёхтыс. Сэмыл пунгк торе мот нупыл лаквыс. Акв эква лилитэ тув-марум.

— Уст маныр вархати! Суй, рох! Городовоит тиналахтын ма хосит хайтыгтэгыт, матырмат нэпакыт кинсэгыт. Ти хотал эти, лавегыт, ссыльныит ус хосит нэпакыт пахвтысыт. А нэпакытт сав сир латнгыт хон пори хансим олэгыт. Исправник садт ос нэпакыт хонтвесыт. Танай маныр пилтал утыт,—эт палит нэпакыт пахвтысыт.

Серёжа Санял акв нупыл ангкваталсыг и моваласыг.

— Манарн мовинтынг?—акв эква кантмаявес.—Тамле нэпакыт магыс элмхоласыт Сибирн нявлавет, а нэн мовинтэгын.

„Пилисьматал утыг“ Санька ос тав апыгкетэ Серёжа олсыг, тии овылтит акв эква номылматунгкве ат вермыс.

Таквси Серёжа ювле Казаньн ми́нас ханисьтахтунгкве и кит тал сис промышленный училищат ханисьтахтын маныл пойтыс. Тав экзамент пуссын сака ёмас оценкат вис, дипломыл майвес и ильпииг акве палт Уржумн ёхтыс.

— Аськвеыг! — акве лавыс, — техник-механикыг емтсын! И кентэ посынг, и тусын тэлвесын!

— Ань Серёжа ман палтув акваыг ёхтыс! — увсикетэ Лиза кол пох махмыт ляльт эсыгхатыс.

Но Серёжа юн хоса ат олыс.

Август этпост тав Томск усн ми́нас.

Серёжа аквен лёх холи хулынг нянил варвес и сульян пайтим сяквитыл сосвес. А увсикетэ Лиза тав сепен атырхарп тор магумтас.

— Ти амки нангын анум номнэ магыс юнтыслум.

— Помасипа, Лизутка! — Серёжа лавыс.

Лиза увсикетэ, акве, Саня Самарцев Серёжа провожайтасаныл.

Хунь наинг хап унлын матэныл хот-квалыс, Саня хоса кентэтыл хосгыс ос ронгхыс:

— Хансэн, Серьга! Хансэн!

СЕРЁЖА ТОМСК УСН ЁХТЫС.

Та пораныл, хунь Серёжа Саня ёт пувлын колт листовкат печатайтасыг ос эти ус янитыл пахвтысанэн, Серёжа сяр мак революционерыг емтунгкве номсыс...

Тав тахнэ вармале ёхтыс. Томск уст тав Российский социал-демократический рабочий партиян сялтыс.

Хон олум порат революционерыт ропатаныл сака тарвитынг ос пинысьманг олыс. Полиция ос жандармыт тананыл акваг сунсыгла саныл, пувыглалсаныл ос каснаколн унттыглал саныл.

Серёжа ти вармаль урыл ёмас вас, но тав пилтал пыгрисиг олыс. Сяр мак большевик! Полицияныл ат пиныс, революционный комитет майлум секретный вармалит тав ёмасыкве ос макыг варыглас.

— Костриковн агтунгкве рови,— молях революционерыт тав урылэ потыртангкве патсыт.

— Тав номтынг, осьмарынг ос ман рабочий вармалювн майхатам пыгрись,— хосаттагыл ропитан большевик-наборщикн Кузьминн Серёжа эсгувес.

Аквнакт Серёжа осьмар революционный ропатан нётыс.

Томск уст касынг ёли колнакыт иснасыт эти авил лап-пантыглавесыт.

Ти иснас авит—сяр авит хурипат олсыт: янгыт, партныл варимат, кит ави палынгыт. Томск уст тан танки сирыл лап-пантыглавесыт. И тии революционный ропатат эрмаяс.

Серёжа авинг иснас колт олыс. Аквнакт тав раквынг таквси эт ропатаныл ювле ис. А тав ус управат чертёжникиг ропитас. Карта ави похат, колэ похат тав олнэ пыгрись касалас, тав наме ос Серёжа олыс. Пыгрись акв лагылныл мот лагылн люлиглас и нёхсыс.

— Тёска, нанг маныр варегын? Аквтоп люньсегын?—Серёжа китапахтыс.—Хотьютн кантмалтавесын?

— Ман классувт ханисьтахтын пыгрисьн Федька Гавриловн кантмалтавесум. Тав Почтамтскийт оли.

Саким ос молямтахтим, пыгрись потыртас, хумус тав Федька ёт перал ёнгыс.

— Вот тамле вармаль нангынныл ат урсум! Манрыг тох емтыс? Сака ёмас ханисьтахтэгын и перал ёнгегын!

— Серёжа, ам вассыг тох варунгкве ат патэ-гум,—тёскатэ латынг мис.

— Я-та, рума, сунсэн. Латынг мисын — пувелын. Элаль потыртэн, маныр нанг ётын емтыс. Федька нанг перакен хот-висанэ?

— Ати, тан, нанг палтын олэгыт!

— Ам палтум?—Серёжа Костриков осятахтыс.

— Остыгыл, нанг колнакынт. Поля аквум эти кастыл иснас ави лап-пантунгкве патыс и ам пеналакем перанг тагыл нанг колнакынн магумтастэ.

— Я-та, рума, ань ам сяр нэматыр ат торгамтэгум. Юв-минимен-сар.

Хунь тэн колнакн юв-сялтсыг и Серёжа пасант унлын лампа пеламтас, пыгрись, сягтим ос ронгхим, иснас палт хайтыс, градусник ху-сап колканныл нонгх-алмаяс.

— Ам ти кивырт перат оньсегум. Градусник хот-сакватавес, омам аумн пенальчик мис!— тав лавыс.—Пуссын тит!—Тав пераквет кат паттан пинсанэ, ловинтасанэ, „помасип латынг“ ат лавим, колнакыл кон-хайтыс.

Серёжа та иснас палт ёхтыс, хоти тав төскатэ усьти пеналакве нонгх-алмаяс.

Серёжа самаге осьмарынгнувег лапнув пан-тим олсыг. Тав матыр урыл номсыс.

— А тии сака ёмас емти!—илттыг Серёжа лавыс ос хот-мовалас.

Ти вармаль пеналакве ёт четверг хотал олыс.

Холит хотал этипалаг матум наборщик Кузьмин ос кит юртхумияге ёт Серёжан лавим мат, Лагерный сад та палт хонтхатунгкве эрыс. Тан подпольный революционный комитетн суббота хотал эти порат ус янитыл листовкат пахвтунгкве лаввесыт.

Хунь ропатаныл юв-ёхтыс, Серёжа молямтахтим акв стакан сяквит сэмыл нянь ёт аялас. Тав сака молямтахтыс.

Серёжа, колныл минаме порат, кол косяен лавыс, тав библиотекан минач ос ти эт ванэ студентэ палт хуюнгкве пати.

Тав кон квалыс. Турманлангкве патыс. Раквсамыл ис ос асирманг вот вотыс. Тов махмыт, асирманыл ос раквныл сякыртахтим, ювле исыт. Тан юв-молямтахтсыт.

„Манрыг тав тох касынгыг оли?“ — товат номсасыт. И ювле ат ванэ пахвынг вангну пугрысь нупыл сунсэгыт. Тав, овыл класс няврам хольт, касынгысь ос копнитынгысь вит вонгхат ултта порыгмантыс. „Улпыл, тав агирисе палт таве хонтыгланэ магыс молямтахти!“ — матум ойка мовалас.

Серёжа лавхатам маныл мус минаме сис, сака тара посвес ос польвес. Хунь тав яныг сат тал нотпа талынг товпа, ульпа похын ёхтыс, сяр турманлас. Ти ульпа ёли-палт раквын ос вотныл туйтхатунгкве ровыс, аквтоп ёмас кол кивырт.

Серёжа сартын ёхтыс. Сёс палкем тав урхатас, хунь овлэт аква, тувыл мотаныт ёхтысыт.

— Ань пуссын атхатсыт,— матум Кузьмин ойка лавыс.— Хумус юрт махум, тыгмус, ёхтысын? Нэмхотьютн ат самылтталвесын-а?

— Ати, пуссын ёмас,— мань урумнуб пыгрись лавыс. Тав паровозный депот машинат воил сарти:

— Я-та, манрыг наскассыг сёс холтунгкве!— Кузьмин, маныл нох-нэглум осынг ульпа тарнунтим, лавыс.

Мотаныт тав мувлахитэ унтсыт.

— Тамле вармаль, юрт махум, ти субботат манавн ус янитыл листовкат пахвтунгкве эрегыт. Ман районув Почтамтский ус хулиныл овылтаhti ос Томи я вата мус мини, мотаныт, революционный комитет лавум хурум хотпа, Заисточьет ос Воскресенский сипт листовкат пахвтунгкве патэгыт. Эх, топ ёмас хотал восолнув, ти хотал хурипаг ке емти,— листовканув акв уртилныл раквын воньсялн варавет.

— Ти соль!.. — паровозный депот машинат воил сартнэ пыгрись касасяс.— Листовкат кос хот хультуптангкве ровегыт. Товнакыт, и вит сургын турпан, и ави керн магумтилын, а товнакт и нас ма тармыл пинилын ос вотн хотталь ат тотнэ магыс нумыл ахвтасыл пасиртилын.

— Да, вот листовкатын ос онтас ат вари. А ракв ос туйтын ман листовканув сяр воньсян варавет.

— Воссыг маныр варегын? Листовкат тиньнг письма холът юв-тотунгкве ат патэгын.

— А ам сирумтыл, юв-тотунгкве рови,— Серёжа лавыс.

— Я-та, маныр ятил элмхолас! — Кузьмин пунгке хосгыс.— Нанг ти листовкан ёт пувумтавен, каснэколн кетавен. Хотьют палт хонтхатэгын, ат ваглув. А листовкат, нангки ваглын, тамле латнгыт хансим олэгыт, касынг хотпан хунь мустэгыт.

— Листовкат хансим латнгыт мак вармаль урыл потыртэгыт! Хон ос капиталистыт хотнявлунгкве эрегыт! — ань мус суйтал олум карыс ос мось матумнув кочегар лавыс.

— Аквтипыл юв-тотунгкве рови,— ласялакв, но такысь, Сергей китит сёс лавыс.

Листовка янит нэпак сепныл кон-вис. Сав

месгыл акван манигтастэ, а тувыл турпа хольт варыстэ. Аквтопмат нэпак тулёвил.

Революционерыт пуссын суссыт, маныр тав элаль варунгкве пати.

— Хунь турманнувег емти, ман тох варум листовканув сепн пиниянув и кона-квалэв... А кон!..—и Серёжа мовалас, потыртан маныл хот-пойтыс.

— А кон маныр варунгкве патэв? —наборщик китапас.

— Нан нанки ваглын, хумус иснас авит Томскат варим олэгыт. Касынг иснас похат тара хуйнэ мань ас оли. Этипалаг, хунь иснас авит лап-пантавет, ти колнор асн хоса кер сайт магаве.

Серёжа тув-ровнэ латынг ат хонтыс, тулёв-ланэт патамтас.

— Сяр аквтоп, сэтап юнтупн магаве.

— Манки Томск ус махмыт, хумус иснас авиянув лап-пантхатэгыт, ваглув! —Кузьмин кантынгысь лавыс. Тав нэматыр ат торгамтас, маныр сир вармаль.—Элаль ос маныр?

— А элаль и нэматыр потыртангкве! Ман листовкат ти колнор асн пиниянув, и, хунь сяр турманли, ус махмыт иснас авияныл лап-пантияныл и кер сайтыл ман листовканув танки коланыл кивырн магумтияныл.

— Та янит ёмас варен, лавен, хумус нанг тамле вармаль номылматсын? Ам амки мань тагыл Томск уст олнэ хум, хотпан нупыл нёлолов тал нотпаг емтсум, а тамле вармаль номтын ат патыглас.

— Соль, сака хасьтал пись номылматсын!— кочегар мовалас.

— Ти пись ам юртумн хултвес. Помась вармаль пенальчик ёт емталас.

— А нанг юртын хотьют? Студент ман инженер?

Серёжа тара хот-мовалас:

— Тамле хунь! Овыл классыт ханисьтахтын пыгрись. Отметканэ пуссын сака ёмасыт. Ам тёскам!

И Сергей такви юртанэн пуссын та урыл потыртас, хумус тав тёскагэ, Федька Гаврилов-ныл оиматэ, пенальчик перанг тагыл иснас кол нор асн магумтастэ.

— Я-та, тувыл Поля аквум, ам кол косяй аквам, иснас авит эт кастыл лап-пантунгкве патыс и пеналакве ам колнакумн ювле магумтастэ,— Серёжа потыртан маныл пойтыс.

— Я-та, маныр, юртхум Костриков, нанг ильпи вармалин урыл революционный комитетн потыртэгум. Махманум кол кивырн листовкат танки ёхтэгыт,— матум Кузьмин ойка лавыс.

„БОЛ КИВЫРН ЁХТЫН НЭПАКЫТ“.

Соль, субботат тов Томск ус махмыт кола-
нылт листовкати ёхтувесыт.

Томский рабочиит осятахтим ос сягтим
листовкат ловинтасыт. Ти листовкати воритотнэ
вармалъ ос революция овылтит хансим олыс:

„Вот ёмас махум, хотыют ти пись номылма-
тыс!“ — революционерыт рабочиити эсгувесыт.

Топ акв полицмейстер Петухов, томский
полиция начальник кантлим сяхнияге торгалтим,
такви Почтамтский ус хулит унлын колэт кол-
кан тармыл тыгле-тувле хайтыгтас.

Касынг субботат полицмейстер такви семь-
ятэ ёт пувлын колн ялантас. Ти хотал ос тох
олыс. Хунь пувлын колныл юв-ёхтыс, Петухов
иснас авит пантунгкве минас, а экватэ сяр
пайтунгкве юн хультыс. Хунь хурум иснас авит
лап-пантыс, тав коныл юв-сялтыс. Тав авит
экватэн ляльт хонтвес. Тав пунгк торе пунг-
кыныл хот-лаквыс. Пувлуме юи-палт, витынг
атанэ ёлалъ кит-пал вангнагет хуясыт. Тав
катаге элалъ тактим люлис. Тав вильтэ хот-
рохтим олыс.

— Феофан Иванович,—тав торгын турыл
лавыс.—Ман колув кивырт прокламацият
хонтсув!..

— Маныр нанг потыртэгын? Прокламация хот оли?

— Тит-ти,—экватэ лавыс и сяхнитэ палыг-пунсыстэ.

Полицмейстер тав кат паттатэт акван манигтим тулёвыл хурип нэпак касалас. Тав нэпак алмаястэ, палыг-пунсыстэ и ловинтастэ:

„Хон власть ат эри! Пася революция!..“— Тамле пилысьманг латнгытыл листовка оигпас.

Полицмейстер экватэ нупыл ёнгхыс.

— Нанг ти листовка хотыл вислын?—тав ронгхувлас и листовканг сяхнинг катыл экватэ самыг эли-палт кат хосгунгкве патыс.

— Нангки ювле магумтаслын, а ам нупылум ронгхегын.

— Хумус магумтаслум?—полицмейстер такем-та рохтыс, тотап тармыл унтхатас.

— А ти сирыл!—экватэ лавыс.—Нанг иснас ави пантунгкве миначын. А ам сяй пайтунгкве патсум. Буфет похат люлегум, пайтим сосыг пил вит лаглынг анин пинэгум. Нанг овлэт акв иснас ави, а тувыл мот иснас ави пантсын. Хунь хурмит пантунгкве патсын, листовка колнор аснул и рагатас! Нанг нангки коныл ювле магумтаслын.

— Та сирыл!—полицмейстер номылматас.—Та сирыл ке тав колнор аст хуяс! Ти

студентыт тох варсыт, воссыг хотьют. Ам урум-тыл мовинтэгыт! Сунсэн, топ, Дарья, листовкат урыл нэмхотьютын акв латынг ул лавен.

Тав листовка акван тангрыстэ и найн кур кивырн воськастэ. Нэпак найн алмаявес.

— Я-та, ань холас,—полицмейстер копнитыг тистувьяс.—Ань сяй аюнгкве патимен!

Но тав акв стакан сяй аюнгкве ат алимас, хумус ти торыг лап-пантим карта авит хотьют-та ратунгкве патыс. Матум амп Полкан, кан-тынгысь хортим, кер квалыгныл хот-маныгтах-тунгкве патыс.

Полицмейстер шинеле вангынн пиныс и кона-квалыс.

Минута холам юи-палт, тав кол пох юртэ ёт юв-сялтыс. Кол пох юртэ такем та кантмим, кентгал тыг-ёхтыгпас. Пальтатэ нас вангынн хуптим олыс.

— Ань ам энгысьрисюм Воскресенский сипныл ёхтыгпас, тамле ут ам палтум тотыс...— кол пох юртэ суйтал потыртангкве патыс ос такви мувлахитэ пилим сунсыглахтунгкве патыс.

— Такви катагетыл такви колэн магум-тасанэ!

Кол пох юртэ ос матыр потыртангкве танг-хыс, но полицмейстер ти вармаль пуссын тор-

гамтастэ. Тав листовка вистэ, кол пох юртэ кон-кетыстэ, шинеле нох-масыс и начальник палт ти вармаль урыл потыртангкве хайтыс.

„Амкем хунь листовкан ёхтувесум, насаки ус янитыл тох тарамтимат!“ — тав номсыс.

Томск ус полиция хумит хурум хотал номсахтасыт: хумле вархатунгкве? Номсахтасыт, номсахтасыт и, юи-овылт номылматсыт.

* * *

Хурум хотал холам юи-палт, листовкат пахвтуманыл юи-палт, Серёжа астум чертёжанэ ус управан инженер палт мингкве тотсанэ.

Ти хотал хоталынг олыс.

„Аквтоп таквси ати“, — Серёжа номсыс. Тав такви Кондратьевский ус хулитэныл, яныг ус хулин ёнгхыгпас.

Хурум накла ахвтас кол сам похыт, вата хум Второв лапка ляпат, Серёжа пыгрисит касалас. Тан городской похат ёхсыт, поргысыт. Серёжа юртэ — тёскатэ ос тит олыс. Городской матырсирмат помась вармаль варыс. Тав акв иснасныл мот иснас палт миныглас и касынг иснас эли-палт, санспунгкын унтим, матыр магыс колнор асыт сунсыглас. Матыр киснэ магыс, осынг тулёвлэ тув-магумтантыстэ.

— Аки, аки ойка! А нанг та асыт сунсэн-сар! Тот сорумпатум пьсьпись хум!— пыгрисит рохсыт ос мовинтасыт.

Городовой, санспунгкныл нох ат люлим, такви тусынг, выгыр вильтэ пыгрисит нупыл ёхтыстэ, ус хули янытыл ронгхыс, тананыл пилуптас:

— Ам, сар, нанан, куль пыгрисит!— и кан-тынгысь такви сирае палт пувумтахтыглас.

Пыгрисит ронгхим ос кисгим сав сир овылн лаква-хайталалсыт.

Но городской топ мот иснас палт ёхталас, пыгрисит оста тав мувлахитэ люлигласыт, и оста тавен лавунгкве патыгласыт:

— Аки, аки, сунсэн! А та аст нимсар экваг ойкаг олэг!

Городовой ильпииг сираен пувумтахтыгли—пыгрисит ос та оегыт.

„Листовкат кинси!—Серёжа номсыс.— Вот хара мат хунь хонтилын!“

Тав ус хули хосит ёмыс, сохитыг перум чертёже катт хосгыс, такви рота сягтаклас.

Серёжа вастэ, листовкат катыт тара минасыт и танки вармаляныл варсаныл.

Духовский ус хули самт Серёжа ос тамле вармаль касалас, манахурип вармаль и Почтамтский яныг ус хулит вас. Топ тит городо-

вой сэмыл, яныг нёлпа, хуйтум вильтуп олыс. Тав ос аквта сирыл касынг кол асн ангкватантыс. Катэт хоса кер квалыгныл варим няс пувыс. Суясьлан пыгрись аня акв иснасныл мот иснас мус тав ётэ яласасыт.

— Аки, нангын, няс вынгкве эрыс! — акв пыгрись ронгхыс.

Тит Сергей ат веритас и хот-мовалас.

Городовоит колнор асытт листовкат киснэныл сис, томский губернатор Азанчевский Петербургын такви хаснэ хумитэн телеграмма хаслтас:

„Вармаль магыс войхатасум. Листовкат сяр кол кивырн пахвтавет“.

Хунь Петербургын тамле телеграмма ёхтыс, начальникыт губернатор китыгласаныл, маныр магыс тав революционерыт ат пувсанэ?!

Губернатор хоса номсыс, хумус ти телеграмма овылтит ювле латынг кетунгкве. И ювле латынг кетыс:

„Революционерыт пувунгкве нэмхотмус ат роверыт, ус махмыт пуссын листовкат кол кивранылн танки магияныл“.

Петербургыт хон чиновникыт такем та рохтысыт, тув комиссия кетсыт: Томскат маныр вархати?!

Комиссия ёхтыс — ти вармаль суссаныл и письма кетсыт, хот ти вармаль урыл пуссын хансим олыс. Томск уст колыт иснас авит тох пантхатэгыт, хотьют-та революционерыт-ныл номылматыс листовкат касынг кол кивырн тотунгкве. Ус махмыт танки ти вармаль варунгкве революционерытн нётсыт.

Ти вармаль номылматам элмхолас Серёжа Костриков олыс. Тав нёлоловхойплов талэ. Тав мот наме Сергей Миронович Киров. Тав сака ёмас революционер-большевик, хотьют ман Советский мав янитыл вава ос эруптаве.

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. ГОЛУБЕВА

**РАССКАЗЫ
О СЕРЁЖЕ КОСТРИКОВЕ**

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

PHYSICS DEPARTMENT
530 SOUTH EAST ASIAN DRIVE
CHICAGO, ILLINOIS 60607

СЕМЬЯ.

Семья Костриковых жила в маленьком деревянном домике, похожем на деревенскую избу. Семья была небольшая: отец, мать и трое ребят — Анюта, Лиза и Серёжа.

Анюта была старшая, ей было восемь лет, маленькой Лизе — пять, а Серёжа был средний, ему было семь лет.

Жили Костриковы бедно. Отец постоянной работы не имел. В городке Уржуме заводов и фабрик не было; кругом только густые сосновые леса и болота. Напрасно отец ходил по городу искать работу. Если работа и случалась, то грошовая: кому кухонный стол сделать, кому сапоги починить, кому на старую бочку обручи набить. Не раз отец возвращался под вечер домой усталый и грустный.

Однажды пришёл он, сел на табуретку и задумался. Обвёл глазами комнату с потемневшими от старости стенами. В углу деревянная скрипучая кровать, — того гляди, развалится. На стене ходики висят. Старые, почти не видно цифр. Окна покосились. Пол кривой. Ребята босые...

— Видно, придётся идти искать работы в другие края!

На следующее утро отец стал собираться. Взял с собой мешок, палку, каравай чёрного хлеба на дорогу. Обнял жену, ребятишек и пошёл.

— Может, заработаю на лесопильном заводе в Вятке немного деньжонок!.. Ждите меня — месяца через три вернусь!

Остались они одни. Не было дня, чтобы мать не спрашивала старика-почтальона:

— А нам писем нет?

— Пишут, — отвечал почтальон и проходил мимо костриковского дома.

Прошло три месяца. Отец не возвращался и не слал писем. Тогда мать побежала к знакомому писарю написать письмо мужу. Сама она ни читать, ни писать не умела.

Писарь написал. Письмо отправили в Вятку, но ответа от отца не получили.

— Что же это там с ним стряслось? — беспокоилась и горевала мать.

Напрасно чуть не каждый день Серёжа с сестрёнками выбегал к воротам смотреть, не идёт ли отец.

Прошло лето. Прошла дождливая осень. Начались первые зимние заморозки, но отец так и не вернулся.

— Верно, заболел да в больнице помер или, может, на лесопилке в машину попал. Как теперь жить будем? Не стало у нас работника, — говорила мать и плакала.

Анюте было жалко отца, и она тоже плакала. Маленькая Лиза приставала с расспросами:

— Мам, чего плачешь? Голова болит?

— Ой ты, маленькая моя дурочка, — гладила её по голове мать.

Серёжа молча поглядывал на мать и вздыхал.

Раз, за обедом, когда мать, не дохлебав постных щей, положила ложку на стол и заплакала, Серёжа слез с табуретки и подошёл к ней.

— Не плачь, мам, — сказал он тихо. — Я на работу пойду.

Мать крепко прижала к себе Серёжу и ничего не ответила. Работать пошла она сама. Пошла стирать к богатым людям, мыть у них полы, убирать к праздникам.

Здоровье у матери было слабое, она частенько прихварывала. От тяжёлой работы ей стало ещё хуже.

Как-то раз в холодный ветреный день мать простудилась на реке. Она полоскала бельё богатой купчихи Шамовой. Белья было много — три больших плетёных корзины. Мать полоскала бельё на холодном ветру до позднего вечера и очень прозябла.

Она еле-еле пришла домой.

Маленькая Лиза и Серёжа уже спали, Анюта ждала мать и тоже дремала.

— Плохо мне что-то,— сказала мать и, не раздеваясь, прилегла на лавку.

— Что с тобой, мам?— нагнулась над матерью Анюта.

Мать в ответ только застонала. Анюта взяла мать за руку. Рука была горячая, как кипяток.

Анюта очень испугалась и побежала к бабушке.

Бабушка жила в няньках на главной, Воскресенской, улице у чиновника Перевозчикова.

Анюта долго не решалась войти в красивый белый каменный дом. На окнах висели кружевные занавески. В одном окне горел розовый свет, в другом—голубой.

В раскрытую калитку Анюта видела, как во дворе на цепи бегала большая лохматая собака. Она громко лаяла и бросалась на Анюту. Анюта не знала, что ей делать. На лай собаки вышел дворник.

— Тебе, девочка, что надо?

— Бабушку,— сказала Анюта и заплакала.

Дворник привёл её к бабушке.

— Бабушка, пойдём к нам! Мама заболела,— сказала Анюта.

— Не плачь, пойдём!— ответила бабушка и вытерла слёзы на лице Анюты.

Бабушка надела большую тёплую шаль и пошла вместе с внучкой. Обрато к своему хозяину Перевозчикову она уже не вернулась. Бабушка осталась ухаживать за больной и присматривать за ребятами.

Ребята, чем могли, стали помогать ей: Анюта бегала в лавку, Серёжа лучинки и щепочки для самовара во дворе собирал. Только маленькая Лиза всем мешала,— то у бабушки вертелась под ногами, то принималась скакать и прыгать по комнате.

— Не шуми, Лизутка, мама больная,— говорила бабушка. Но Лиза была маленькая и не понимала. Она залезла

к больной матери на постель и просила мать рассказать ей сказку.

— Жил-был на свете распрекрасный Иван-царевич...— начинала шопотом мать. Громко говорить ей было трудно.

„Может, и поправится“,— думала бабушка.

Но мать не поправилась. С каждым днём ей становилось всё хуже и хуже, и через два месяца она умерла.

Похоронили мать на старом уржумском кладбище, в дальнем конце у деревянной ограды.

— Пока я жива, вас, сирот, не брошу!— сказала бабушка, когда они после похорон матери вернулись домой.

И бабушка стала жить с ребятами.

ВОРОТА И БАРАНКА.

На одной и той же улице, а по-разному люди живут. У главного приказчика из Шамовской лавки мальчишки даже в будни в сатиновых рубашках ходят, а в воскресенье мать надевает им голубые шёлковые. Каждый день эти мальчишки вкусное едят— то мятный пряник-рыбку, то конфетину в розовой бумажке, перевитую золотой ниточкой, а то у ворот дома камнем грецкие орехи колют, и не простые орехи, а посеребрённые, которые на ёлку вешают.

А игрушки какие у них! Конь большой, деревянный, с бархатным красным седлом. Тележка с железными колёсами...

Серёжа Костриков на той же Полстоваловской улице живёт, а вот нет у него ни голубой шёлковой рубашки, ни мятной рыбки, ни серого в яблоках коня.

Есть у него игрушки! Мячик, сшитый из тряпочек, который не прыгает, и деревянные чурбачки,— их знакомый плотник принёс Серёже. В эти игрушки они играли с товарищем Санькой, который живёт с ним в одном доме. А теперь Санька заважничал и играть не хочет. У Саньки есть то, чего нет у Серёжи: у Саньки есть букварь...

Ему девять лет, и он уже ходит в школу с полотняной

сумкой через плечо. Санька гордится своим букварём и тем, что он ученик.

Выйдет во двор, сядет у сарая на брёвна, раскроет букварь и начнёт: „Маша варила кашу. Мама любит Машу“.

Во весь голос читает Саня, чтобы и на улице все слышали и знали, какой он большой грамотей.

Серёжа садится на брёвна поближе к товарищу. Заглядывает через руку в букварь и шевелит губами—тоже как будто читает. Очень ему обидно, что у него нет такого букваря, как у Саньки.

— Сань, научи,—просит Серёжа.

— Мал ещё. Тебе только семь годов,—отвечает Санька и опять снова своё: „Маша варила кашу. Мама любит Машу“.

— Дай букварик подержать, а?—скажет Серёжа.

Санька даст букварь, а сам усмехается: всё равно ничего не поймёшь, раз азбуки не знаешь.

Серёжа листает букварь, картинки и буквы разглядывает.

Разные буквы в книжке. Вот большие, чёрные, толстые, а вон буквы высокие и тонкие—ровно палки, а сверху точки, а вон букочки маленькие, с закорючками, с хвостиками.

— Сань, какая это?—спрашивает Серёжа.

— Которая?—нагибается над букварём Саня.

— Вот эта, на ворота похожая.

— Тоже сказал! На ворота,—смеётся Саня.—Это „пы“.

— „Пы“,—повторяет Серёжа.—А вот эта?—И он указывает пальцем на вторую букву.

— Это „о“!

Серёжа недоверчиво косится на товарища,—может, нарочно говорит!

— „О“? Ровно баранка!

— Буква „О“ всегда круглая,—важно отвечает Саня.

— Гляди-ка, Сань, а это полбаранки!

— Это не полбаранки, а „сы“. Ну, хватит! Научился!

А то учёней меня будешь,—говорит Санька и отбирает у Серёжи букварь.

Серёжа исподлобья смотрит на Саню.

Тоже, товарищ называется,—показал три букочки и больше не хочет! Наверно, букваря ему жалко... Что он — съест его, что ли, или запачкает? Он руки хорошенько об рубашку вытер, когда букварь взял.

Серёжа бежит к бабушке.

— Бабушка, купи мне букварь!

Бабушка молча стирает бельё в корыте.

— Бабушка, купи! Я читать буду, как Санька,—дёргает Серёжа бабушку за фартук.

— Где нам книжки покупать,—на хлеб нехватает,—говорит бабушка и так сильно встряхивает мокрым полотенцем, что на Серёжу летят мыльные брызги.

Но Серёжа не отстаёт.

— Бабушка, купи, я уже три буквы знаю,—просит он и вдруг, схватив с шестка уголь, пишет на печке большую кривую букву, похожую на ворота.

— Вот! Это „пы“!—говорит он гордо.

— Ах ты, разбойник, ты что же это печку пачкаешь? — кричит бабушка и дёргает Серёжу за ухо.

Серёжа вырывается от бабушки и выскакивает во двор. Здесь ему места хватит! Пиши, сколько тебе захочется, и бабушка ругать не будет. Он трёт ухо, потом бежит к сараю и берёт старую метлу. Перевернув её, он старательно выписывает на земле две кривые огромные буквы: „О“, круглое, как баранка, и „П“, похожее на ворота.

ЕСТЬ НЕЧЕГО.

Серёжина бабушка была очень старая: ей было восемьдесят два года. Она уже плохо видела, а когда подметала пол, то не раз потирала поясницу.

— Трудно мне нагибаться стало! Ой, трудно! — вздыхала бабушка.

— Давай подмету,—говорил Серёжа и брал у бабушки веник. Он так старался, так размахивал веником, что бабушка начинала ворчать:

— Экую пылищу поднял! Отдай веник Анюте, пусть она подметёт!

Сестра брала веник и подметала осторожно и чисто, не оставляя мусора под столом и табуретками.

Анюта не только пол мести умела, но и щи сварить могла и бельё постирать.

Бабушка даже отпускала с ней на речку Серёжу.

Серёжа очень любил ходить с сестрой на Уржумку. Анюта тащила корзинку с бельём, а он шёл рядом и держался за край корзины. На реке Анюта пробиралась по камешкам туда, где вода была чище, глубже, а Серёжа оставался на берегу. Он собирал ракушки, строил из песка запруды и посматривал на сестру.

— Не потони, Нютка!— кричал он сердито, когда сестра слишком низко наклонялась над водой.

Иной раз Серёжа глядит-глядит, не выдержит и отправится по камешкам к Анюте.

— Ты зачем здесь?— обернётся сестра.

— Я буду тебя за юбку держать, чтобы не потонула!

И, стоя на соседнем камне, Серёжа крепко держит сестру за подол до тех пор, пока она не выполощет бельё.

Анюта сердится и грозит пожаловаться бабушке. Но когда они возвращались с реки, Анюта ничего не говорила бабушке: она жалела её. И так у бабушки забот много: ребят обшить и обмыть надо, за водой на речку сходить, козу Шимку подоить. С самого утра начинались у бабушки хлопоты и беспокойства. Утром, когда она ставила на стол чугунок с горячей картошкой, лицо у неё было строгое и грустное. Картошка и та была считанная. А о хлебе нечего было и говорить.

Чёрный хлеб бабушка делила на маленькие кусочки. Каждому кусочек с пол-ладошки, три раза в день по одному кусочку.

— Чёрного хлеба и того нет вдосталь. А ведь недолг мой век — помру. Что с вами тогда будет? — горевала бабушка. Она и соседке, Санькиной матери, не раз говорила об этом.

— Отдала бы ты ребят в приют,— советовала соседка.— Пусть твой хозяин Перевозчиков за них похлопочет. Ведь ты у него десять лет прожила. Всех детей его вынянчила.

Но бабушка всё тянула, всё откладывала.

„Может, как-нибудь перебьёмся,— думала она.— Неужели отдавать родных внуков в приют! Приют — он приют и есть! Не лучше тюрьмы. Ходи на цыпочках, начальства бойся — наказывают в приюте. Правда, кормят досыта, да что из того! Дома — хоть впроголодь, да всё своё!“

Но как ни тянула бабушка, как ни откладывала, а идти ей к чиновнику Перевозчикову всё-таки пришлось.

Как-то утром стала она козу доить. Старая была коза Шимка. Вся надежда на неё была, но не дала коза ни капельки молока. Картошки полчугунка осталось. И хлеба купить не на что — хоть бы грош медный был в доме!

Вернулась из сарая бабушка в дом. Ребята уже встали.

— Баб, дай хлеба,— закричала маленькая Лиза и стала цепляться за бабушкину юбку.

„До чего дошли — есть нечего“, — подумала бабушка и стала молча одеваться.

— Ты куда, бабушка? В лавку? — закричала Лиза.

— В лавку, — ответила бабушка, а сама пошла к своему старому хозяину просить за внуков.

Долго ждали ребята в этот день бабушку. Вернулась она только под вечер. Бросился к ней Серёжа.

— Чего, бабушка, купила?

— Ничего не купила, — сказала бабушка и стала снимать головной платок.

— А куда ты, бабушка, ходила? — спросила маленькая Лиза.

— На Кудыкины горы, — сказала бабушка и пошла в сени.

Принесла оттуда холодную картошку, разделила по три картошины на человека. Тут тебе обед, тут и ужин!

Не сказала бабушка в этот вечер ни слова ребятам о приюте. Чего их раньше времени расстраивать! Вот будет ответ, тогда другой разговор.

Несколько раз ходила бабушка за ответом.

А ребята словно чуяли беду. Соберутся у калитки и поджидают бабушку.

Всегда бабушка возвращалась от хозяина хмурая, молчаливая, а в последний раз пришла довольная.

— Ну, ребяташки, теперь полегче жить будет.— Бабушка села на лавку, а ребята стали вокруг.— Не прокормить мне вас троих, одного приходится в приют отдать.

— Кого отдать в приют?— спрашивает Анята.

— Серёженьку.

Серёжа, как услышал, затрясся весь и заплакал:

— Не хочу в приют! Не пойду! Всех отдавай!

— Не берут всех,— сказала бабушка.— Анята великовата, Лизутка маловата, а вот твои года подходящие.

— Бабушка, милая, не отдавай в приют,— опять заплакал Серёжа.

И сама бабушка чуть не заплакала: жалко ей Серёжу, а делать нечего.

Пришлось ему идти в приют.

В ПРИУТЕ.

Бабушка привела Серёжу в приют. Их встретила приютская начальница. Высокая, худая, в очках на чёрном шнурочке. Синяя юбка у начальницы шуршит, как бумага.

— Ты послушный мальчик?— спросила начальница.

— Послушный, послушный,— закивала бабушка,

— Новенький пришёл, новенький пришёл!— фыркнул кто-то сзади.

Серёжа оглянулся.

Маленькая бритоголовая девочка в сером платье просунула голову в дверь, а над ней ещё чья-то голова торчит. Тоже бритая, с круглыми чёрными глазами.

Не поймёшь— не то девчонка, не то мальчишка.

— Иди с ними во двор играть,— сказала начальница.

Серёжа пошёл во двор. Здесь его обступили приютские.

— Ты откуда такой головастый? — спросил его бритый мальчишка с чёрными глазами.

— А ты губастый! — обиделся Серёжа.

Он никогда не ссорился с мальчишками на улице. А здесь не успел придти и сцепился.

— Я губастый? — закричал приютский. — Я тебе покажу губастого! — Он надул свои толстые губы и бросился на Серёжу.

— Юлия Константиновна, Васька дерётся! — зашумели приютские.

Начальница появилась на крыльце.

— Иди сюда! — строго сказала она Ваське и поправила на очках шнурочки.

„Ни за что здесь не останусь“, — подумал Серёжа и побежал к калитке. Он распахнул её и выскочил на улицу.

— Юлия Константиновна, Юлия Константиновна, новенький убежал!

Приютские бросились ловить Серёжу. Они схватили его и с криком потащили обратно во двор.

Серёжа вырывался изо всех сил, но ребят было много. Калитка захлопнулась. Один из приютских запер её на щеколду.

— Пустите меня, — всё равно убегу! Пустите, ну!

— Не убежишь!.. Ты теперь приютский, — сказал Васька.

— Я не приютский, я свой. Меня домой бабушка заберёт, — ответил Серёжа.

— Как же, жди! — захохотал Васька.

Серёжа всё время стоял неподалёку от ворот и не спускал глаз с калитки.

Вот сейчас откроется калитка, войдёт бабушка и скажет: „Пойдём, Серёженька, домой!“

Но бабушка не шла.

Наступил вечер. Приютских повели ужинать. А Серёжа так и не дождался бабушки.

„Сегодня, наверно, стирка у ней, а вот завтра утром придёт“, — утешал себя Серёжа. Но и утром бабушка не пришла, не пришла она и на третий, и на четвёртый день!

Так Серёжа и не дождался её.

Понемногу он стал привыкать к приюту. К одному только никак не мог привыкнуть: к тому, что ребята жили недружно, ссорились из-за каждого пустяка. То и дело во дворе и в доме раздавались голоса:

— Юлия Константиновна, он дерётся!

— Юлия Константиновна, он без спросу книжку взял!

— Юлия Константиновна!..—И так с утра до вечера.

На восьмой день жизни в приюте с Серёжей за обедом случилось происшествие.

Приютские ели из глиняных чашек,— пять человек из одной чашки. В этот день на обед были постные щи со сметками и пшённая каша. Серёжа был дежурный. Когда щи съели, он пошёл за кашей. Кухарка Дарья наложила ему полную чашку. Он взял чашку обеими руками и осторожно понёс. Ребята ждали его и от нетерпения стучали по столу деревянными ложками. Серёжа был уже близко, как вдруг сбоку вывернулся рыжий Пашка и толкнул его. Чашка выпала из рук Серёжи и разбилась, каша рассыпалась по полу. Ребята выскочили из-за стола и окружили Серёжу. Они бранили его:

— Растяпа! Не мог каши принести.

На крик прибежала Юлия Константиновна.

— Что случилось? Почему такой шум?

— Новенький чашку разбил,— сказал кто-то из приютских.

— Какой медведь!—рассердилась Юлия Константиновна.—Это вы мне так все чашки переколотите! Станешь после обеда на колени! Впредь будешь аккуратней.

После обеда, когда все ребята разошлись, Серёжа стал на колени посреди столовой. К нему подошёл губастый Васька.

— Чего ж ты Юлии Константиновне не сказал, что тебя Пашка толкнул? Ему бы попало!

— Он ненарочно! Держал бы я чашку крепче—не разбил бы!

— Ну и стой за него! — захохотал Васька и выбежал из комнаты.

Минут через десять в столовую боком вошёл смущённый Пашка и, ни слова не говоря, стал на колени рядом с Серёжей.

— Ты чего? — спросил Серёжа. — Юлия Константиновна наказала?

— Нет, я сам... Я хочу с тобой стоять, — ответил Пашка.

ЛЁШКА И ВАСЬКА.

Приют, в который попал Серёжа, назывался „Дом призрения малолетних сирот“.

В приюте своей школы не было, и приютские учились вместе с городскими в приходской школе на Воскресенской улице. В одном классе с Серёжей учился городской мальчишка Лёшка, сын главного приказчика купца Шамова.

Лёшка называл себя атаманом, а своих двух приятелей — разбойниками.

Озорной Лёшка со своими „разбойниками“ никому не давали проходу в школе. Особенно они досаждали приютским. В переменки „атаман и разбойники“ подставляли приютским ножки, щипали и дёргали их за уши. Когда приютские шли по улице, Лёшка корчил гримасы и кричал во всё горло:

— Приютская вошь, куда ползёшь?!

— Лови-держи! — кричали „разбойники“ и хватали приютских.

Плохо было тому, кто ноги не унёс! Изобьют „разбойники“ приютского, в снегу выкатают да ещё сумку с книгами в чужой двор забросят.

Однажды после уроков „атаман с разбойниками“ напали на Серёжу и двух приютских. Приютские сразу бросились наутёк. Серёжа остался один посреди улицы. Лёшка подскочил к нему и сбил с него шапку.

— Дай ему, дай! — закричали „разбойники“ и стали подбрасывать Серёжину шапку ногами. Серёжа шапку у них не

отнимал. Он стоял на месте, наклонив большую, коротко остриженную голову, и тяжело дышал. Лёшка развернулся и ударил его кулаком в грудь. Серёжа шагнул назад, потом вперёд; колени у него подогнулись.

— Прощения просит!—заорали „разбойники“.

Но в эту минуту Серёжа с размаху ударил Лёшку головой в живот.

— Ай!—закричал Лёшка и хлопнулся на спину. Серёжа, не дав ему опомниться, навалился на него всем телом.

Лёшка задёргался, начал вырываться, но Серёжа держал его крепко.

— Пусти!—завопил Лёшка на всю улицу и стал пинаться ногами.

— А будешь драться?

— Пусти!

— А будешь?..

— Пу-у-сти! Слышишь — пу-с-ти!

Лёшка завертел головой, ища глазами своих „разбойников“.

А „разбойники“ стояли у забора, разинув от удивления рты.

— Говори—будешь? Будешь?—не отставал Серёжа.

— Не буду,—наконец ответил Лёшка.

— Смотри у меня,—сказал Серёжа и поднялся с земли.

Он не торопясь стряхнул снег с пальто и валенок и оглянулся по сторонам.

С другого конца улицы бежали приютские. Они всё видели из-за угла. Один из них поднял Серёжину шапку, смахнул с неё снег и подал Серёже. Они взяли Серёжу под руки и отправились в приют.

А Лёшка стоял у забора и ругался со своими „разбойниками“.

— Чего же вы смотрели, когда он на меня накинулся?—кричал Лёшка и сжимал кулаки.

— Мы думали—ты один справишься. Он маленький.

— Маленький, да удаленький,—буркнул Лёшка.

Весь вечер в приюте только и было разговоров, что о Серёже.

— А Костриков ему как даст!.. Как даст!..— захлёбываясь рассказывали приютские.

— Теперь мы им покажем!— смеялись и радовались они. Только Васька Новогодов хмурился. До прихода этого Кострикова его, Ваську, все приютские считали самым сильным и самым смелым мальчишкой. А теперь?

Что ж, он на втором месте должен быть?

Нет! Никогда и ни в чём Васька этому новенькому не уступит!

Но уступить Ваське пришлось. На другой день, в воскресенье, приютские пошли играть в снежки и кататься с горки.

Гора у приютских была плохая, невысокая и во дворе. Только разъедешься, тут тебе и стоп!— прямо в забор упрёшься.

Была настоящая гора, сразу за забором, на реке,— высокая, ледяная, только кататься с неё было нельзя. Эту гору облюбовал себе Васька и никого на неё не пускал.

— Это моя, Васькина, гора!— кричал он и размахивал кулаками.

Ребята знали, что с Васькой лучше не связываться. Он не только поколотит, он и укусить может. Раз он куснул за ухо приютского Пашку, когда тот в столовой по ошибке взял его ложку.

Нет, уж лучше Ваську не трогать!

И приютские катались со своей горы.

Так было и в это воскресенье.

Васька катался с высокого обледенелого берега с гиканьем и свистом. Трое приютских стояли в стороне.

Эх, хоть бы разок прокатиться с Васькиной горы! Вот так же, как он, сесть на рогожку, ноги в стороны— и вниз! до самой середины Уржумки.

Вдруг к горе подошёл Серёжа.

Васька только что скатился с горы и топтался внизу, стряхивая с себя снег.

Серёжа с минуту постоял на горе и вдруг не спеша начал расстилать свою рогожку. Санок у приютских не было.

— Не езд: от Васьки попадёт!— закричали хором ребята. Но Серёжа не слушал их, он уже вихрем летел с обледенелого берега. Только снежное облако взметалось за ним вслед.

— Поехал, поехал!— визжала и прыгала приютская Зинка. Что было на реке у Серёжи с Васькой, так никто и не узнал, только с реки Васька прибежал сердитый и зарёванный. Подмышкой у него торчала свёрнутая в трубку рогожа. На бегу он оборачивался и грозил кому-то кулаком. Он вбежал во двор и принялся изо всех сил колотить ногами в старую сельдяную бочку. Потом бросил рогожку на землю и заревел во всё горло.

А на другой день на Васькину гору вместе с Серёжей пришли приютские мальчишки.

— Ух, и покатаемся теперь!— смеялся Пашка.

Мальчишки уселись на рогожки и один за другим помчались вниз.

— Глаза крепче жмурь— снег бьёт!— кричал Серёжа.

Под вечер на гору пришёл и Васька Новогодов с рогожкой.

— Вась, иди с нами кататься,— позвал Серёжа.

— Ну тебя!— буркнул Васька и стал носком валенка ковырять снег.

Но скоро Ваське показалось обидным и скучным стоять так и глядеть, как катаются другие.

Он разостлал на горе свою рогожку и нахлобучил на уши шапку.

— Васька едет!— закричал он и понёсся вниз...

УПРЯМАЯ ЗАДАЧКА.

Серёжа учился в четырёхклассном Уржумском городском училище. Учился он очень хорошо. Другие хорошие ученики часто задирали носы, сторонились слабых учеников и хвастались: „Я не какой-нибудь, я первый!“

Серёжа не был хвастунишкой. Он не дожидался, пока его будут просить: „Костриков, миленький, объясни вот это!“

Часто сам первый подходил и спрашивал товарища: „Что голову повесил? Чего скис?“ И объяснял, что было непонятно.

— Теперь понял? — спрашивал Серёжа.

— Немножко понял, — отвечал товарищ.

— Тогда давай ещё раз!

Два, три раза объяснит Серёжа.

— Понял, понял! — кричал, наконец, ученик, и уже сам, без Серёжи, решал задачку.

Ребята удивлялись и завидовали Серёже.

— Вот счастливый! — говорили они. — У тебя всё сразу выходит!

Но это было не совсем так: и у Серёжи порой не сразу всё получалось.

Однажды стал он решать задачку. Задачка была про купца. Купец продавал свой товар. Было у него в лавке пятнадцать аршин ситца, десять аршин сатина, пять — батиста. Пришли к нему покупатели. Первому он продал пять аршин ситца, пять аршин сатина и один аршин батиста. Второму — три аршина ситца, три аршина сатина и один аршин батиста. Третьему — два аршина ситца и два аршина сатина. Сколько всего материи осталось в лавке купца? — спрашивалось в задачке.

„Лёгкая задачка“, — подумал Серёжа и начал считать.

— Пятнадцать да десять, да пять — будет тридцать аршин. Это столько у купца было товара. Пять да пять...

— Брось, Костриков, не выйдет. Потом решим! — закричали приютские и побежали на улицу играть в салки.

— Выйдет!

„Пять да пять, да один — будет одиннадцать. Это он продал первому. Три да три, да один — будет семь, — это второму, да ещё третьему продал батист, сатин и ситец. Всего двадцать три аршина продал купец. Значит, осталось у него семь аршин“.

Поглядел Серёжа в книжке ответ, а там восемь аршин.

— Вот те фунт! Куда же ещё аршин девался?

И снова начал считать:

— Три да три, да один...

— Серёжа, иди к нам! — зовёт со двора Пашка.

— Ну тебя!.. Три да три, да один... А интересно, догонит Васька Новогодов Пашку? Ишь как мчатся, только пятки сверкают. Ну, куда же это аршин девался?

Опять начал считать Серёжа.

Считал-считал — всё семь аршин у него получается. А по ответу — восемь.

Рассердился Серёжа на задачку, стукнул по тетрадке кулаком.

— Всё равно тебя решу!

„А не сосчитать ли, сколько купец продал всего сатина, сколько батиста и сколько ситца?

Ну-ка, начнём снова. Первому он продал пять аршин сатина, второму — три аршина, третьему — два. Значит, всего купец продал десять аршин сатина.

А батиста он сколько продал? Первому один аршин, второму тоже один, третьему...

Ой, да ведь третьему-то он батист и не продавал!

Ну и чучело-мучело, как же это я прозевал! — засмеялся Серёжа. — Вот всё-таки нашёл аршин“.

Серёжа переписал заново задачу и чётко вывел ответ: „восемь аршин“.

„Теперь правильно!“

Он сунул тетрадку и книжку в сумку, обдёрнул рубашку и помчался во двор к ребятам.

Сделал дело — гуляй смело!

ЖИЛЕЦ НА СУНДУЧКЕ.

Хорошо учился Серёжа в Уржумском училище. Так хорошо, что учителя уговорили уржумских купцов послать мальчика учиться дальше.

И Серёжа поехал в Казань.

Казанское промышленное училище было в одном конце

города, а Серёжа жил в другом. Пока до училища доберёшься, язык высунешь!

Занятия начинались в училище рано — в восемь часов утра. Серёжа вставал, когда ещё в доме все спали. Жил он у одной барыни в полутёмном углу и спал на сундучке. Сундучок был короткий, и спать на нём можно было, только свернувшись калачиком.

Серёжа вставал в шесть часов утра и шёл босиком умываться на кухню. Сапоги он не надевал, чтобы никого не разбудить. Сапоги у него были тяжёлые и грубые. Когда он ходил, сапоги стучали на всю квартиру. И кухарка Матрёна шутила:

— Ты, парень, ходишь, ровно кованый конь!

Когда утром Серёжа уходил в училище, а за окном шумел дождь и завывал ветер, кухарка жалела его и говорила:

— А ты, учёный, уж и в поход собрался... Хоть бы чаю стакан выпил, — у меня самовар мигом поспеет!

Но Сергею некогда было чаи распивать: он торопился в училище. Он не любил прибегать в последнюю минуту, к самому звонку.

Очень нравилось ему рисовать, чертить, решать задачи, разыскивать на карте города, реки с их притоками.

И вечерами хотелось ему поскорее засесть за уроки, но приходилось ждать, пока кухарка освободит стол: вымоет и уберёт посуду. Здесь, на щербатом кухонном столе, он чертил свои чертежи.

Старая Матрёна как нарочно убирала медленно. Еле-еле копошилась. Серёжа не выдерживал, схватывал ножи и вилки и начинал их чистить. Так чистил, — только локти мелькали. Кухарка даже пугалась:

— Ой, парень, черенки не поломай. Добро господское.

Потом Серёжа мыл хорошенько стол, чтобы не посадить сальное пятно на тетрадку, прикалывал к столу кнопками лист бумаги, брал циркуль и начинал чертить.

Каждый вечер являлась барыня. Кухарка Матрёна звала её „Язва“. Барыня заглядывала в шкаф, в духовку и даже под кровать.

— Чугун у тебя плохо вымыт, в духовке крошки остались, под кроватью пыль,— отчитывала барыня Матрёну.

На самом деле всё было в порядке. Просто барыня придиралась и любила ворчать. Отчитает кухарку, за Серёжу примется.

— Не устрой пожара. Почему лампа так сильно горит?

И так привернёт маленькую керосиновую лампочку, что Серёже нельзя чертить.

— Помни и будь благодарен! Я тебя из милости держу! Купцы мне гроши за угол платят,— отчитывает барыня Серёжу. Серёжа слушает и молчит.

Что он может сделать, если уржумские богатые купцы так мало платят! Когда они отправили его из Уржума в Казань, то тоже не хуже барыни попрекали:

— Мы люди добрые, мы тебя за свой счёт учить будем. Деньги за тебя надо платить. За ученье. За квартиру. За одежду. За обед. Ты должен стараться.

Серёжа и без их наставлений учится хорошо. Любит он ученье.

Через четыре месяца в училище ему дали похвальный лист. На листе золотыми буквами было напечатано: „Ученику Сергею Кострикову за отличные успехи и примерное поведение“.

Серёжа сразу об этом написал купцам. Пусть зря не попрекают. Но ответа на письмо не получил.

Дней через пять, после урока, подошёл к нему школьный надзиратель и сказал:

— Костриков, тебя инспектор зовёт.

Серёжа пошёл к инспектору.

— Если ты до двенадцатого числа не уплатишь деньги за учение, мы тебя исключим.

— За меня платят уржумские купцы,— ответил Серёжа.

— Хотят — платят, хотят — нет,— сказал инспектор.—

Вот письмо прислали: отказались от тебя купцы.

Серёжа вышел из кабинета, постоял-постоял в коридоре и тихонько побрёл к себе в класс. Из училища Серёжа шёл домой грустный и задумчивый.

Как же так, почему отказались? Учится он хорошо.

А дома уже ждала другая беда. Вечером, как всегда, стал он заниматься. Не успел сесть за стол,—раскрылась дверь и вошла барыня. Он думал, что барыня, как всегда, начнёт отчитывать Матрёну, а потом его. А барыня подошла к столу и сказала:

— Гаси лампу, нечего керосин жечь.

— Мне уроки нужно готовить,—говорит Серёжа.

— А мне какое дело!—ответила барыня. Потушила лампу и ушла.

Сидит Серёжа на кухне—темно, тихо, только слышно, как в темноте из умывальника капает в таз вода.

„Наверное, уж барыня легла спать,—думает Серёжа.—Зажгу-ка лампу и буду делать чертёж“.

Серёжа зажгёт лампу и только взял карандаш и линейку в руки, как дверь раскрылась настежь и в кухню влетела барыня.

— Ищи себе другую квартиру,—я не могу тебя без денег держать. Купцы прислали письмо. Отказались за тебя платить.

Барыня так кричала, так размахивала руками, что чуть-чуть не смахнула лампу со стола.

Покричала-покричала барыня, затушила лампу и легла спать. Серёжа подпёр голову руками и так в темноте просидел целый час. „Как же буду теперь жить?—думал Серёжа.—Из квартиры выгоняют; из училища выгоняют; сапоги, как назло, развалились, обедать завтра не на что, и урок не сделан. Чертёж завтра сделаю до начала уроков“,—решил Серёжа.

Всю ночь Серёжа не спал. Какой тут сон! Только стало рассветать, схватил он чертёжную доску, бумагу, книжки—и бегом в училище.

Бежит Серёжа по городу, в лицо дует холодный ветер, в рваный сапог попала вода. Прибежал к училищу. Входная дверь закрыта. Сунулся в калитку—и калитка заперта. Никак не попасть.

— Ах, так!—сказал Серёжа и перелез через забор. Идёт

по двору, видит — кухонная дверь приоткрыта, около двери стоит старичок-сторож и чистит веничком свой мундир. Серёжа выждал минутку, когда тот отвернулся, и прошмыгнул в училище. На цыпочках пробежал по тёмному коридору в свой класс, снял мокрую шинель, пододвинул поближе к окну парту, положил на неё чертёжную доску и начал чертить.

Неудобно Серёже. В классе темно, доска скользит по парте. Но Серёжа чертит. Нужно сделать урок.

И урок он всё-таки сделал.

На улице стало уже совсем светло.

Серёже очень захотелось спать: он всю ночь не спал. Положил Серёжа голову на парту и задремал.

— Ты чего такую рань в училище забрался?— сказал кто-то над ним и стал его дёргать за куртку.

Серёжа раскрыл глаза. Перед ним стояли его одноклассники Митя Асеев и Вася Яковлев.

— Барыня меня выгоняет из квартиры,— сказал Серёжа,— и из училища инспектор грозит выгнать.

— Не горюй, мы тебя с Васькой выручим. Переезжай к нам. У нас комнатуха маленькая, но как-нибудь потеснимся. На полу будем спать.

— И с платой за учение что-нибудь придумаем. Ты хороший ученик: на казённый счёт учить будут,— сказал Вася.

Серёжа сразу повеселел.

— Спасибо, ребята!

Хорошо жить на свете, когда есть настоящие товарищи, которые из беды выручат.

КАРЦЕР.

Серёже очень хотелось прочитать книжку Горького „Перед лицом жизни“. Эта книга была революционная, и достать её было очень трудно.

Вдруг как-то знакомый студент, Фёдор Иванович, тихонько говорит Серёже:

— А я достал, что ты просил!

— Достали?! А где же она?

— Приходи сегодня вечером в театр и получишь.

— В театр? — удивился Серёжа.

— Да. Туда эту книжку принесёт один товарищ.

И Фёдор Иванович вытащил из кармана своей тужурки три театральные контрамарки и дал их Серёже.

— Можешь товарищей пригласить. Только о книжке им ни гу-гу.

— Как рыба молчать буду, — ответил Серёжа и побежал звать товарищей Митю и Васю в театр.

— Ура! В театр идём! — закричал Митя и подбросил вверх свою фуражку.

— А как же мы пойдём? У нас разрешения нет, — вдруг сказал Вася.

Тут и Серёжа сразу вспомнил, что в театр ходить без разрешения инспектора ученикам нельзя. Он на радостях об этом позабыл совсем.

— Если нас начальство увидит в театре, то посадят в карцер, — загрустил Вася.

— Не увидят: театр большой, — ответил Митя.

Серёжа ничего не сказал, а сам подумал: „За такую книжку и в карцере посидеть можно“.

Вечером товарищи отправились в театр.

У театрального подъезда горели огромные фонари. Взад и вперёд прохаживались городовые.

Серёжа с товарищами только было хотел пройти в театр, как вдруг кто-то схватил его за рукав. Товарищи обернулись и чуть не присели.

Макарка!

— Вы как сюда попали? Разрешение есть? — спросил школьный надзиратель Макаров.

— Нас сам инспектор за хорошее поведение отпустил! — соврал Асеев. Он не дал опомниться надзирателю и вместе с Серёжей и Васей вошёл в подъезд. Большой зал театра был украшен ёлками и разноцветными флажками. Играл военный оркестр. В театре было очень много народу и больше всего

студентов. Не успели товарищи как следует оглядеться, как в дверях залы появился инспектор Широков и с ним Макаров. Товарищи бросились в коридор. Но не тут-то было! Макаров загородил дорогу и сказал сердито:

— Господин инспектор не думал давать вам разрешения; сию минуту отправляйтесь домой.

Серёжа и два его товарища молча пошли в раздевалку.

— Останемся, ребята,— сказал Серёжа.

Он очень хотел получить книжку от студента.

— Останемся! Останемся!— закивал головой Митя.

— Ой, домой бы лучше идти! Как бы плохо не было!— вздохнул Вася.

— Иди, тебя никто не держит,— ответил Митя и так взглянул на Васю, что тот замолчал.

Тогда все трое спрятались за вешалку. Постояли минут десять, а потом снова поднялись наверх.

Наверху уже начался концерт. Из зала доносились звуки рояля и скрипки. По окончании номера, когда сзади захлопали и закричали „браво, браво, бис!“,— товарищи вошли в полутёмный зал и уселись на свободные места.

На сцену вышел высокий певец с сердитым лицом и запел „Вдоль по улице метелица метёт“.

Видно, ему было трудно петь: он приподымался на цыпочки и так покраснел, что Митя фыркнул: „Словно из бани вышел“.

Но Серёже было не до певца.

Он вертелся во все стороны и силился разглядеть в полутёмном зале Фёдора Ивановича.

— Чего тебе не сидится? Мешаешь смотреть,— заворчал Митя.

„Что ему ответить—Фёдора Ивановича ищущу? Митька сразу спрашивать начнёт. А зачем он тебе? Почему? Для чего?“—И Серёжа промолчал.

Наступил антракт. В фойе снова грянул оркестр. Серёжа вскочил с места.

— Ты куда?— испугался Вася.

— В фойе.

— На Макарова опять налетим.

— Верно. Не стоит ходить, Серёжа,— сказал Митя.— А то увидят и отправят домой. Концерта не досмотрим.

„Знал бы, что так мешать будут, ни за что бы не пригласил“,— подумал Серёжа и вдруг рванулся в сторону.

„Да куда же ты?“— чуть не крикнул Митя. Но Серёжа и сам остановился.

Студент, который стоял к нему спиной и сзади походил на Фёдора Ивановича, обернулся. Серёжа увидел незнакомого длинноносого человека в очках.

— Ошибся!

Серёжа вздохнул и сел на стул. Неужели он сегодня не получит долгожданную книжку? Неужели не получит?

Концерт окончился. Серёжа так и не увидел студента. Он сидел грустный и недовольный. Зато Митя сиял и потирал руки.

— Вот как всё хорошо вышло: и музыку послушали, и пение, и Макарку провели!

Но радовался Митя слишком рано. Когда занавес опустили, публика пошла вниз одеваться, отправились и товарищи.

У колонны стоял и смотрел на них разгневанный Макаров. Товарищи прошли мимо, не заметив школьного надзирателя. Они оделись и вместе с толпой двинулись к выходу.

„Сбегаю сейчас же к Фёдору Ивановичу на квартиру“,— решил Серёжа и приотстал шага на три от товарищей. Митя с Васей шли и спорили на всю улицу о том, какой певец спел лучше.

— А где Серёжа?— спохватился Митя.

Обернулись товарищи, а Серёжи и след простыл!

— Где же он? Сейчас вот только здесь был— и вдруг нету,— заволновался Митя.

— Пойдём скорей. Он уже, наверно, дома,— сказал Вася.

А Серёжа в это время бежал по Грузинской улице к студенту.

И книжку в этот вечер он всё-таки получил.

Наутро, как всегда, Серёжа и его товарищи пошли в училище, а там уж Макаров их поджидает:

— Явились, голубчики! А ну-ка, отправляйтесь все трое в карцер!

Он посадил их в карцер — маленькую полутёмную комнатушку — и запер на ключ.

— Будете теперь знать, как в театр ходить, — сказал Макаров.

В карцере товарищи должны были просидеть ни много, ни мало — двенадцать часов подряд: с восьми утра до восьми вечера.

Они решили не скучать. Сперва барабанили ногами в дверь, выбивая дробь, потом боролись, потом пробовали даже играть в чехарду, а под конец стали петь песни.

Первым запел Серёжа:

Солнце всходит и заходит,
А в тюрьме моей темно...
Днём и ночью часовые
Стерегут моё окно, —

подхватили Вася и Митя.

— Чего ты такой весёлый? — удивился Митя,

— А так!

Серёжа пел, а сам думал:

„А книжка всё-таки у меня! Под матрацем спрятана. Завтра воскресенье. Уйду на целый день на Волгу. Заберусь в тихий уголок, где народу мало, и буду читать. От корки до корки прочту“.

В восемь часов их выпустили.

— Выходите, арестованные! — приказал Макаров.

Митя был очень доволен, что Макаров назвал их арестованными.

— Мы как настоящие революционеры в тюрьме сидели, — сказал он.

Серёжа улыбнулся, а сам подумал:

„За такую книжку не только двенадцать, — все двадцать часов можно в карцере отсидеть“.

ЛИСТОВКИ.

Летом Серёжа приехал на каникулы к бабушке. Бабушка от радости расплакалась.

— Внучек Серёженька! Да ты совсем большой стал!

И верно: Серёжа за этот год сильно вытянулся и сделался шире в плечах.

— Мне ведь, бабушка, шестнадцать лет. Скоро усы вырастут,— пошутил Серёжа.

— У твоего друга Саньки уже выросли.

— Как он живёт?

— Ничего. Во какой стал. Каланча!— засмеялась бабушка.

— Это я-то каланча?— вдруг спросил сам Санька, заглядывая с улицы в окно.

— Саня, здравствуй!— закричал Серёжа.

— Здравствуй, Серьга,— ответил Саня и вошёл в дом.

— Ну, теперь разговоров хватит на целую неделю,— сказала бабушка и пошла в кухню.

Товарищи уселись у раскрытого окошка, и тут у них началось:

— Как ты— в Казани?

— А как ты— в Уржуме?

— А какие у вас учителя?

И вдруг Саня на полуслове высунулся в окошко и замахал руками.

— Здравствуйте, Павел Иванович! Купаться ходили?

— Да. Вода сегодня замечательная,— ответил чей-то голос.

Серёжа выглянул в окно. Он увидел на улице незнакомого молодого человека с длинными волосами и маленькой острой бородкой. Через плечо у него висело мокрое полотенце.

— Познакомьтесь. Вот мой товарищ, Серёжа Костриков. Он из Казани на каникулы приехал,— сказал Саня.

— А я в Казанском университете два года проучился,— улыбнулся Павел Иванович.

— Он ссыльный. Революционер,— шепнул Саня Серёже.

— А вы, молодой человек, как на дрожжах растёте,—

пошутил Павел Иванович над Саней и пригласил Саню и Серёжу приходить к нему в гости.

— Я живу на этой же улице, в жёлтом доме под горой.

— Хороший он человек, сердечный, — похвалила бабушка студента. — Он не раз мне воды с колодца приносил.

— Его сюда на пять лет выслали, — сказал Саня.

— Ох, много народа за правду страдает! — вздохнула бабушка. — И в тюрьмах, и в ссылке.

Серёжа задумался. Он сам однажды видел, как гнали в ссылку революционеров.

Арестованные шли по середине уржумской улицы, а по бокам ехали верхом стражники с шашками наголо.

Серёжа давно уже хотел познакомиться с ссыльными. И вот, наконец, познакомился с настоящим политическим; и тот их даже в гости позвал.

— Сань, пойдём к студенту завтра, — сказал Серёжа Сане.

И на следующий день вечером они пошли в жёлтый домик под горой.

— А, пришли гости — глотать кости, — встретил их, улыбаясь, в сенях незнакомый ссыльный, пожилой и высокий человек. — А ну, проходите, ребята, к столу!

Серёжа и Саня прошли в комнату. Ссыльные пили чай. Павел Иванович познакомил товарищей с остальными. В домике жило девять человек. Серёжа и Саня узнали, что были здесь молодые и старые, были студенты и рабочие, что фамилия высокого пожилого ссыльного, который их встретил, Зоткин, что он рабочий, слесарь Путиловского завода.

В первый вечер Серёжа и Саня просидели и проговорили у ссыльных целый час. Через два дня они снова пошли в домик под горой. Теперь их приглашал не только Павел Иванович, но и слесарь Зоткин, и все остальные.

— Вижу я, что ребята вы хорошие и, по-моему, умеете молчать, — сказал недели через три слесарь Зоткин.

„Умеем!“ — хотел крикнуть Серёжа, но постеснялся.

— В этом деле, друзья, осторожность нужна. Нам кое-какая помощь требуется.

— А что нужно сделать? — спросил Серёжа; от волнения у него даже руки задрожали.

— Листовки!

И слесарь Зоткин начал рассказывать и объяснять товарищам, как нужно печатать листовки. Работы было немало. нужно глицерина с желатином в аптеке купить. Аптека в городе одна. Покупать сразу нельзя; нужно в аптеку ходить по очереди, чтобы не удивился лысый и толстый аптекарь: зачем это ребятам столько пузырьков с глицерином? Потом из глицерина надо вроде мази состав сварить. А потом напечатать листовки...

— Ну, всё поняли? — спросил Зоткин.

— Всё!

Дней восемь ходили Серёжа с Саней за глицерином в аптеку. Потом сварили состав — вроде мази.

И вот ночью, когда все домашние спали, Серёжа и Саня отправились в старую баню.

Здесь они завесили ватным одеялом банное окошко, зажгли фонарь и принялись печатать листовки. В листовках было сказано, почему бедным живётся плохо, а богатым хорошо, и кто виноват в том. Внизу, в самом конце листовок, большими буквами было написано: „Долой царя! Да здравствует революция!“

Если бы городовые поймали Серёжу и Саню с такими листовками, они сразу бы посадили их в тюрьму.

Серёжа и Саня печатали, а сами слушали, не идёт ли кто. Серёжа два раза выбегал смотреть на улицу. На улице тихо, темно... Только в траве кузнечики трещат, да в конце улицы собака лает.

Они работали до самого утра, а когда взошло солнце, заиграл пастух и погнал коров в поле, Серёжа побежал к ссыльным.

— У нас всё готово, — сказал он Зоткину. — Триста листовок вышло!

— Молодцы, ребята, — похвалил слесарь. — Теперь вам остаётся последнее и самое опасное дело: сегодня ночью нужно разбросать эти листовки по городу, на базаре и на

Малмыжском тракте. Смотрите, не попадите в лапы городо-
вым. Будьте осторожны.

— Будем! — ответил Серёжа.

Наступила ночь. Серёжа и Саня стали собираться. Они торопливо рассовывали листовки по карманам, запихивали за пазуху. Рубашки у них оттопырились, карманы раздулись.

— Сначала пойдём на базар, потом на Малмыжский тракт, — сказал Серёжа.

Они погасили фонарь и вышли из бани во двор. Потом осторожно, на цыпочках прошли по двору и вышли на улицу.

Город спал.

Они быстро и молча шагали по тихому, сонному городу и скоро добрались до базара.

— Начинай, — шопотом сказал Серёжа.

Пригнувшись, они побежали к пустым деревянным прилавкам, на которых крестьяне расставляли свой товар — крынки с молоком. Молча и быстро Серёжа и Саня разбрасывали по прилавкам листовки. Со всех сторон слышались хруст и пофыркивание. Это жевали сено распряжённые лошади. На возах и под возами спали крестьяне, приехавшие к базарному дню. Иногда сонные люди шевелились, поднимались. Серёжа и Саня тотчас же прятались за прилавками; когда всё стихало, они снова принимались за работу. Скоро все прилавки были покрыты белыми листовками.

— Ну, готово, — шепнул Серёжа. — Теперь бежим на Малмыжский тракт.

И они побежали. До тракта было не так-то близко, а с работой надо было покончить до утра. У одного из домов с высоким забором и с резной железной калиткой Серёжа остановился, вытащил из кармана несколько листовок и бросил их с размаху через высокий забор в сад. Саня испугался, схватил его за руку. В этом доме жил самый большой уржумский начальник — исправник Пенешкевич.

— Бежим!

Серёжа толкнул Саню в бок, и они понеслись во всю прыть. Когда улица осталась позади, Серёжа сказал шопотом:

— Пускай знает, что революционеры и ночью не спят! За городским садом ребята сняли сапоги и перешли Уржумку вброд. На той стороне реки сразу же начинался Малмыжский тракт. По обеим его сторонам темнел лес. Едва Серёжа и Саня добрались до него, как неожиданно где-то позади раздался короткий пронзительный свисток. Казалось, свистели совсем близко. Серёжа и Саня опрометью бросились в лес. В нём можно было укрыться от погони.

За первым свистком раздался второй, и наконец всё смолкло.

— Стой! — остановил Саню Серёжа. — Куда разогнался? Нужно листовки разбросать.

— Верно! — сказал Саня, переводя дух.

Они пошли по дороге и оставляли листовки то здесь, то там. У придорожных кустов, в канавах и у дороги. Через полчаса все до одной листовки были разбросаны.

— Знаешь, Саня, пойдём-ка обратно другой дорогой, — надумал Серёжа, — свисток был полицейский. Может, нас городовые караулят у брода.

Дорога шла через болото. Ребята часто проваливались в холодную воду. Ветки ёлок хлестали их по лицу. Саня очень рассердился и ворчал.

— Ничего, придём домой — обсохнем, — подбодрял Серёжа товарища.

Начинало светать. Мокрые, усталые, но довольные, приятели вернулись домой.

Они отлично выполнили поручение ссыльных революционеров.

— А теперь завалимся спать, — я здорово устал, — сказал зевая Саня. Но спать ему не пришлось. С базара вернулась перепуганная бабушка. Чёрный головной платок её съехал на сторону. Бабушка запыхалась.

— В городе-то что делается! Шум, крики! Городовые по базару бегают, какие-то бумажки ищут. Сегодня ночью, говорят, ссыльные по городу бумажки разбросали. А в бумажках всякие слова против царя написаны. Даже у исправ-

ника в саду бумажки нашли. Вот ведь какие бесы бесстрашные, — всю ночь бумажки раскидывали.

Серёжа с Саней переглянулись и захохотали.

— Чего смешного? — рассердилась бабушка. — За такие бумажки людей в Сибирь гоняют, а вам смешно.

Бабушке и в голову не пришло, что „бесстрашные бесы“ были Санька и её внук Серёжа.

* * *

Осенью Серёжа уехал обратно в Казань — учиться и через два года окончил промышленное училище. Он отлично сдал все экзамены, получил диплом и снова приехал к бабушке в Уржум.

— Батюшки мои! — заахала бабушка, — техник-механик стал! И фуражка со значком, и усы выросли!

— Теперь Серёжа к нам насовсем приехал! — хвалилась соседям сестрёнка Лиза.

Но Серёжа прожил дома недолго.

В августе его уже провожали в Томск.

Бабушка напекла Серёже на дорогу пирогов и налила бутылку топлёного молока. А сестрёнка Лиза сунула ему в карман голубой платочек.

— Это я сама тебе на память вышила.

— Спасибо, Лизутка! — сказал Серёжа.

Вместе с сестрёнкой Лизой и бабушкой Серёжу провожал и Саня Самарцев. Когда пароход отошёл от пристани, Саня долго ещё махал фуражкой и кричал:

— Пиши, Серьга! Пи-ши!

СЕРЁЖА ПРИЕХАЛ В ТОМСК.

Ещё с тех пор, когда Серёжа вместе с Саней печатали в бане листовки и разбрасывали их ночью по городу, Серёжа мечтал стать настоящим революционером...

Желание его, наконец, исполнилось. В Томске он вступил в Российскую социал-демократическую рабочую партию.

Работа революционеров в царское время была очень опасная и трудная. Полиция и жандармы преследовали их, арестовывали и сажали в тюрьмы.

Серёжа об этом хорошо знал, но он был решительный и смелый юноша. Настоящий большевик! Не боясь полиции, он аккуратно и точно выполнял все секретные поручения, которые давал ему революционный комитет.

— На Кострикова можно положиться, — стали вскоре говорить о нём революционеры.

— Парнишка он умный, смекалистый и предан нашему рабочему делу, — хвалил Серёжу старый большевик-наборщик Кузьмин.

И однажды эта Серёжина смекалка помогла революционерам в их работе.

* * *

В Томске во всех домах окна в первом этаже закрывались на ночь ставнями.

Ставни эти были — как ставни: большие, деревянные, на две створки, но запирались они в Томске по-особому. И это-то и пригодилось в революционной работе.

Серёжа тоже жил в доме со ставнями. Как-то раз в дождливый осенний вечер он возвращался с работы. А работал он в городской управе чертёжником. Около ворот своего дома Серёжа увидел соседского мальчика, которого звали тоже Серёжей. Мальчик переступал с ноги на ногу и всхлипывал.

— Ты что, тёзка? Никак плачешь? — спросил Серёжа. — Обидел кто?

— Федька Гаврилов из нашего класса. Он на Почтамтской живёт.

Всхлипывая и торопясь, мальчик рассказал, как после уроков он играл с Федькой в пёрышки.

— Вот уж не ожидал! Как же это так? Учишься на пятёрки и вдруг в пёрышки играешь!

— Я больше, дядя Серёжа, не буду, — пообещал тёзка.

— Ну, смотри, приятель. Слово дал — держи. Ну, рассказывай дальше, что с тобою случилось. Федька у тебя пёрышки, что ль, отнял?

— Нет, они у вас!

— У меня? — удивился Серёжа Костриков.

— Да, у вас в комнате. Тётя Поля стала на ночь ставни закрывать и мой пенальчик с пёрышками к вам в комнату протолкнула.

— Ну, приятель, я теперь уж совсем ничего не понимаю. Пойдём-ка домой.

Когда они вошли в комнату и Серёжа зажёл настольную лампу, мальчик с радостным криком бросился к окну и поднял с пола красненький футлярчик из-под градусника.

— Я в нём пёрышки храню. Градусник разбили, а мама мне пенальчик дала! — пояснил он. — Все тут! — Он высыпал пёрышки на ладонь, сосчитал их, не сказав даже „спасибо“, выбежал из комнаты.

Серёжа подошёл к тому окну, под которым его тёзка только что поднял красненький футлярчик.

Лицо у Серёжи было серьёзное, а глаза хитровато прищурены. Он о чём-то думал.

— А ведь это здорово получится! — сказал вдруг Серёжа и засмеялся.

* * *

Событие с пенальчиком было в четверг.

На другой вечер Серёжа должен был встретиться в условленном месте, за Лагерным садом, со старым наборщиком Кузьминым и двумя товарищами. Всем им подпольный революционный комитет поручил в ночь с субботы на воскресенье разбросать по городу листовки.

Прибежав с работы, Серёжа наскоро выпил стакан молока с чёрным хлебом. Он очень торопился.

Уходя из дома, Серёжа сказал своей квартирной хозяйке, что пошёл в библиотеку, а ночевать сегодня будет у знакомого студента.

Он вышел на улицу. Уже смеркалось. Накрапывал дождик, и дул холодный ветер. Поёживаясь от холода и дождя, шли редкие прохожие. Они торопились домой.

„И что ему так весело?“ — думали некоторые из них, с недоумением оглядываясь на незнакомого широкоплечего юношу, который, не замечая дождя, весело и легко, как первоклассник, перепрыгивал через лужи. „Не иначе, как на свидание торопится!“ — усмехнулся старик с большим парусиновым зонтиком и портфелем подмышкой.

Пока Серёжа добрался до назначенного места, он изрядно промок и озяб. Уже совсем стемнело, когда он остановился у столетнего кедровника с густыми, мохнатыми ветками. Под этим кедровником можно было укрыться от дождя и ветра, как в хорошем шалаше.

Серёжа пришёл первым. С добрых полчаса прождал он, пока один за другим явились остальные.

— Ну вот, теперь все в сборе, — сказал старик Кузьмин. — Как до места, товарищи, добрались? Никто не следил?

— Да нет, всё хорошо обошлось, — ответил маленький худощавый паренёк, смазчик из паровозного депо.

— Ну, нечего терять время попусту! — сказал Кузьмин, усаживаясь на торчащих из земли толстых корнях кедровника.

Остальные сели около него полукругом.

— Так вот, товарищи, в эту субботу мы должны разбросать по городу листовки. Наш район будет от Почтамтской до набережной реки Томи, а остальные трое, которых выделил революционный комитет, разбросают листовки в Заисточье и на Воскресенской горе. Эх, только б погода была хорошая, а то выдастся вроде сегодняшней, — половина листовок от дождя пропадёт.

— Это верно!.. — согласился смазчик из паровозного депо. — Листовки-то приходится оставлять где только можно. Бывает, и за водосточную трубу заткнёшь, и за дверную ручку засунешь, а иной раз просто на землю положишь да камушком придавишь, чтобы ветер не унёс.

— Да, ветер листовкам тоже не на пользу. А уж от дождя да снега совсем погибель!

— А что сделаешь? Домой листовки, как заказное письмо, доставлять не станешь.

— А по-моему, можно с доставкой на дом, — сказал Сергей.

— Да что ты, мил человек! — покачал головой Кузьмин. — Тебя с первой же листовкой схватят да в тюрьму и отправят. На кого нарвёшься, неизвестно. А в листовках, сам знаешь, такие слова написаны, что не всем по носу.

— Слова в листовках правильные! Долой царя и капиталистов! — сказал до сих пор молчавший, высокий и уже немолодой кочегар.

— А всё-таки с доставкой на дом можно, — медленно, но настойчиво повторил Сергей.

Вытащив из кармана лист бумаги величиной с листовку, он сложил её в несколько раз, а затем сложенную вчетверо бумажку скатал в трубочку. Получился как бы бумажный пальчик.

Все революционеры смотрели, что же будет дальше.

— Как только наступят сумерки, мы возьмём листовочки, скатанные таким образом, положим их в карманы и выйдем на улицу... А на улице!.. — и Серёжа, невольно улыбаясь, замолчал.

— Ну, а на улице что? — нетерпеливо спросил наборщик.

— Вы сами знаете, как в Томске устроены ставни. Около каждого окна имеется небольшое сквозное отверстие в стене. Вечером, когда ставни закрываются, в это стеновое отверстие вставляется железный длинный болт.

Серёжа прищёлкнул пальцами, не найдя сразу нужное сравнение.

— Ну, вот, как скажем, нитка в иголку.

— Сами томичи, знаем, как ставни у нас запираются! — уже сердито сказал Кузьмич, не понимая в чём дело. — Дальше-то что?

— А дальше и рассказывать нечего! Мы положим листовки в эти стенные отверстия, и, когда совсем стемнеет, жители закроют ставни у себя в домах и болтами протолкнут наши листовочки к себе в квартиры.

— Скажи, пожалуйста, да как же ты это придумал? Я сам коренной томич, пятьдесят восемь лет на свете живу, а такое мне и в голову не приходило.

— А верно, здорово придумал! — засмеялся кочегар.

— На эту мысль меня приятель натолкнул. Случай у него с пенальчиком интересный был.

— А кто он сам-то, приятель твой? Студент или инженер какой?

Тут уже засмеялся Серёжа:

— Подымай выше! Ученик первого класса. Круглый пятёрочник. Мой тёзка!

И Сергей подробно рассказал своим товарищам о том, как его тёзка, убегая от Федьки Гаврилова, сунул пенальчик с пёрышками в стенное отверстие окна.

— Ну, а затем тётя Поля, моя квартирная хозяйка, стала закрывать на ночь ставни и протолкнула пенальчик ко мне в комнату, — закончил свой рассказ Серёжа.

— Ну, что же, товарищ Костриков, доложу о твоём новом способе революционному комитету. Думаю, получат мои земляки листовки с доставкой на дом, — сказал старик Кузьмин.

„С ДОСТАВКОЙ НА ДОМ“.

И действительно, в субботу некоторые жители Томска получили листовки на дом.

Удивлённо и радостно читали томские рабочие горячие призывы к борьбе и революции, написанные в листовках:

„Ну и молодцы, кто это придумал!“ — хвалили революционеров в рабочем квартале.

Только один полицмейстер Петухов, начальник томской полиции, потрясая кулаками от злости, бегал по квартире у себя на Почтамтской.

Каждую субботу полицеймейстер со всей семьёй ходил в баню. Так было и в этот день. Вернувшись из бани, Петухов пошёл закрывать ставни, а жена осталась дома готовить чай. Захлопнув во всех трёх окнах сплошные тяжёлые ставни, он вернулся с улицы в дом. На пороге его встретила жена. Чепчик сбился на её голове набок. По плечам были распущены, ещё мокрые после бани, волосы. Она стояла, вытянув руку, сжатую в кулак. Лицо у неё было испуганное и растерянное.

— Феофан Иванович, — сказала она дрожащим голосом. — У нас в доме прокламация!..

— Что ты мелешь? Где прокламация?

— Вот, — сказала жена и разжала кулак.

На её ладони полицеймейстер увидел свёрнутую наподобие пальчика бумажку. Он схватил её, развернул и прочёл:

„Долой самодержавие! Да здравствует революция!..“ — Таким грозным призывом кончалась листовка.

Полицеймейстер накинулся на жену.

— Ты это откуда листовку взяла? — кричал он и махал перед её глазами кулаком с зажатой в нём листовкой.

— Сам протолкнул, а на меня орёшь!

— Как протолкнул? — полицеймейстер так опешил, что тут же в передней сел на сундук.

— А та-ак! — сказала жена. — Пошёл ты ставни закрывать. А я стала чай готовить. Стою у буфета, варенье чёрной смородины в вазочку накладываю. Ты на одном окне ставни закрыл, потом на другом. А как стал на третьем окне закрывать, листовка на пол из стены и выпала! Ты её с улицы сам в дом протолкнул.

— Та-ак! — сообразил полицеймейстер. — Значит, она в стеной дырке лежала? Не иначе, как это студенты сделали. Надо мной подсмеялись! Смотри, Дарья, никому о листовке ни слова.

Он скомкал листовку и бросил её в горящую печь. Пламя охватило бумагу.

— Ну, вот и всё, — облегчённо вздохнул полицеймейстер. — Давай чай пить!

Но не успел он выпить и стакан чаю, как кто-то изо всех сил забарабанил в запертую калитку. Старый волкодав Полкан, злобно залаяв, стал рваться с цепи.

Полицмейстер, накинув шинель, пошёл во двор.

Через минуту он вернулся с соседом. Сосед был до того расстроен, что пришёл без шапки. Пальто у него было надето внакидку.

— Сейчас прибежала моя племянница с Воскресенской горы, такое мне принесла... — Сосед зашептал и стал испуганно озираться по сторонам.

— Главное, сама, своими руками, к себе в дом протолкнула!

Сосед пытался ещё что-то рассказать, но полицмейстер уже всё понял.

Он взял листовку, выпроводил соседа и, надев шинель, побежал докладывать о случившемся начальству.

„Не мне одному, видно, всему городу так листовки доставили!“ — думал он.

Три дня томская полиция ломала голову: как ей быть? Думали, думали и, наконец, придумали.

* * *

Спустя три дня после того, как были по городу разбросаны листовки, Серёжа пошёл сдавать к инженеру в Городскую управу готовые чертежи.

День выдался солнечный, ясный.

„Даже на осень не похоже“, — подумал Сергей, свернув с Кондратьевской улицы, где он жил, на главную улицу.

На углу, возле белого трёхэтажного каменного дома, рядом с большим магазином купца Второва, Сергей увидел мальчишек, которые вертелись и прыгали около городского. Здесь же был и приятель Сергея — тёзка. Городовой занимался каким-то странным делом. Он переходил от окна к окну и перед каждым, присаживаясь на корточки, заглядывал зачем-то в стенное отверстие и даже совал в дырку толстый палец, пытаясь что-то оттуда достать.

— Дяденька, дяденька! А ты вон в той дырке посмотри! Тамдохлаямышьлежит!—кричалиихохоталимальчишки.

Городовой, не приподнимаясь с корточек, повернув к ребятам бородатое, красное от натуги лицо, грозился чуть не на всю улицу:

— Я вас, чертенята!—и злобно хватался за шашку.

Мальчишки с хохотом и визгом разбегались в разные стороны.

Но стоило городовому перейти к следующему окну, как ребята снова окружали его и снова давали советы:

— Дяденька, дяденька! Гляди! А вон в той дырке паук с паучихой живёт!

Городовой снова хватался за шашку—ребята снова убегали.

„Листовки ищет!—подумалСергей.—Ищиветравполе!“

Он шёл по улице деловито, помахивая свёрнутым в рулон чертежом, а в душе у него всё ликовало и пело.

Серёжа знал, что листовки разошлись по рукам и сделали своё дело.

На углу Духовской Серёжа увидел точно такую же сцену, как и на главной, Почтамтской, улице. Только здесь городской был чёрный, носатый и рябой. Он также заглядывал в каждую стенную дырку. В руках у него был длинный крючок, сделанный из проволоки. Шумная ватага мальчишек сопровождала его от окна к окну.

— Ты бы, дяденька, лучше удочку взял!—кричалрыжийвихрастыйпарнишка.

ТутСергейневыдержализасмеялся.

Пока городовые искали в стенных дырах листовки, томский губернатор Азанчевский диктовал писарю телеграмму в Петербург:

„Вынужден принять самые решительные меры. Листовки доставляются на дом“.

Получив в Петербурге такую телеграмму, начальство послало губернатору запрос. Почему же он не арестовал революционеров?!

Губернатор долго думал, как ответить ему на эту телеграмму покороче и попонятнее. И ответил:

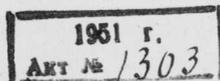
„Арестовать революционеров невозможно, потому что всё население проталкивает к себе листовки в дом“.

В Петербурге царские чиновники так переполошились, что послали комиссию узнать: что же такое творится в Томске?!

Комиссия приехала — расследовала и послала письмо с подробным объяснением, что в городе Томске в домах так запираются ставни, что кто-то из революционеров придумал доставлять листовки на дом, с помощью самих же жителей.

Человек, придумавший это, был восемнадцатилетний Серёжа Костриков — он же Сергей Миронович Киров, — замечательный революционер-большевик, которого знает и любит вся наша Советская страна.

Изм. № 106

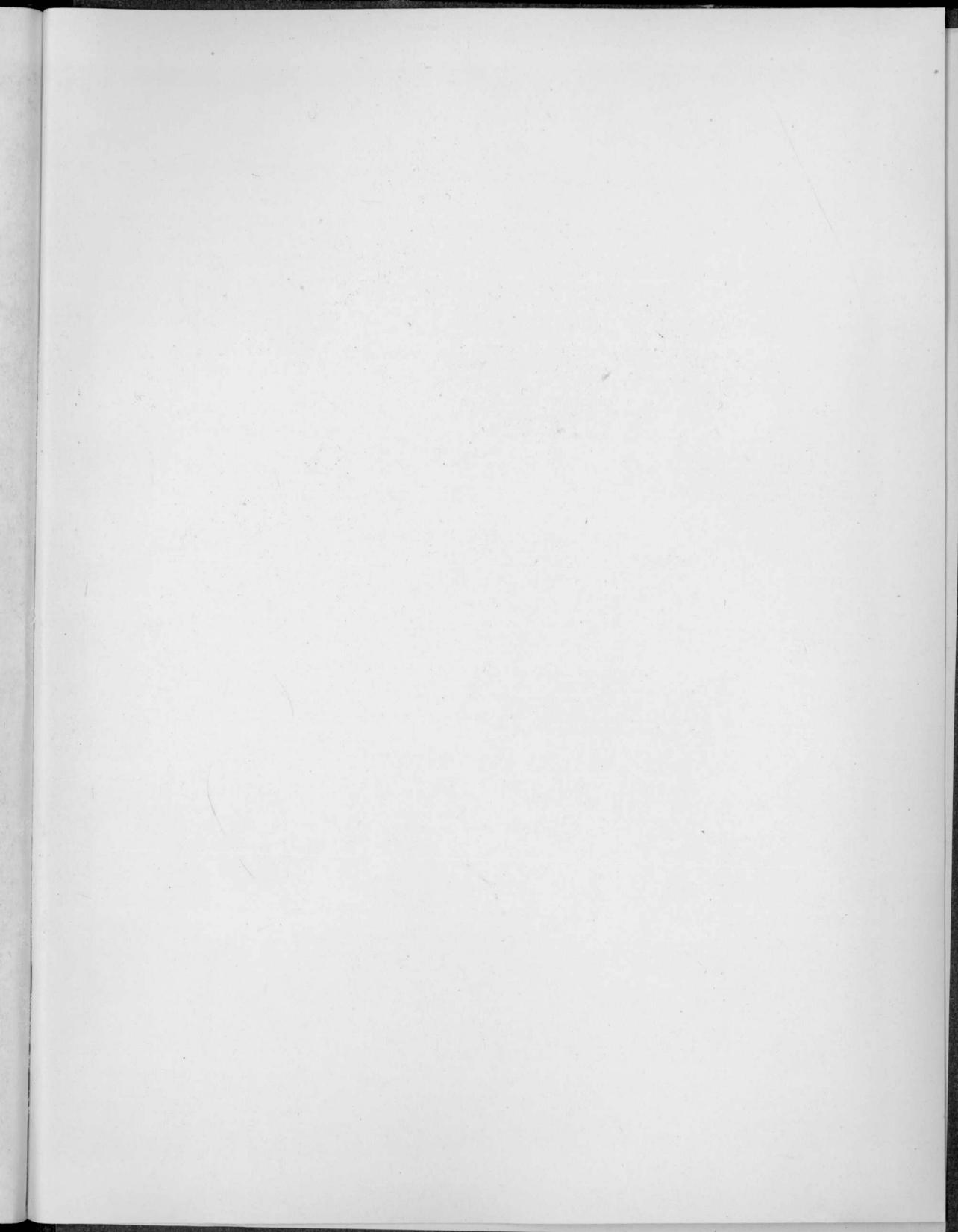
СОДЕРЖАНИЕ

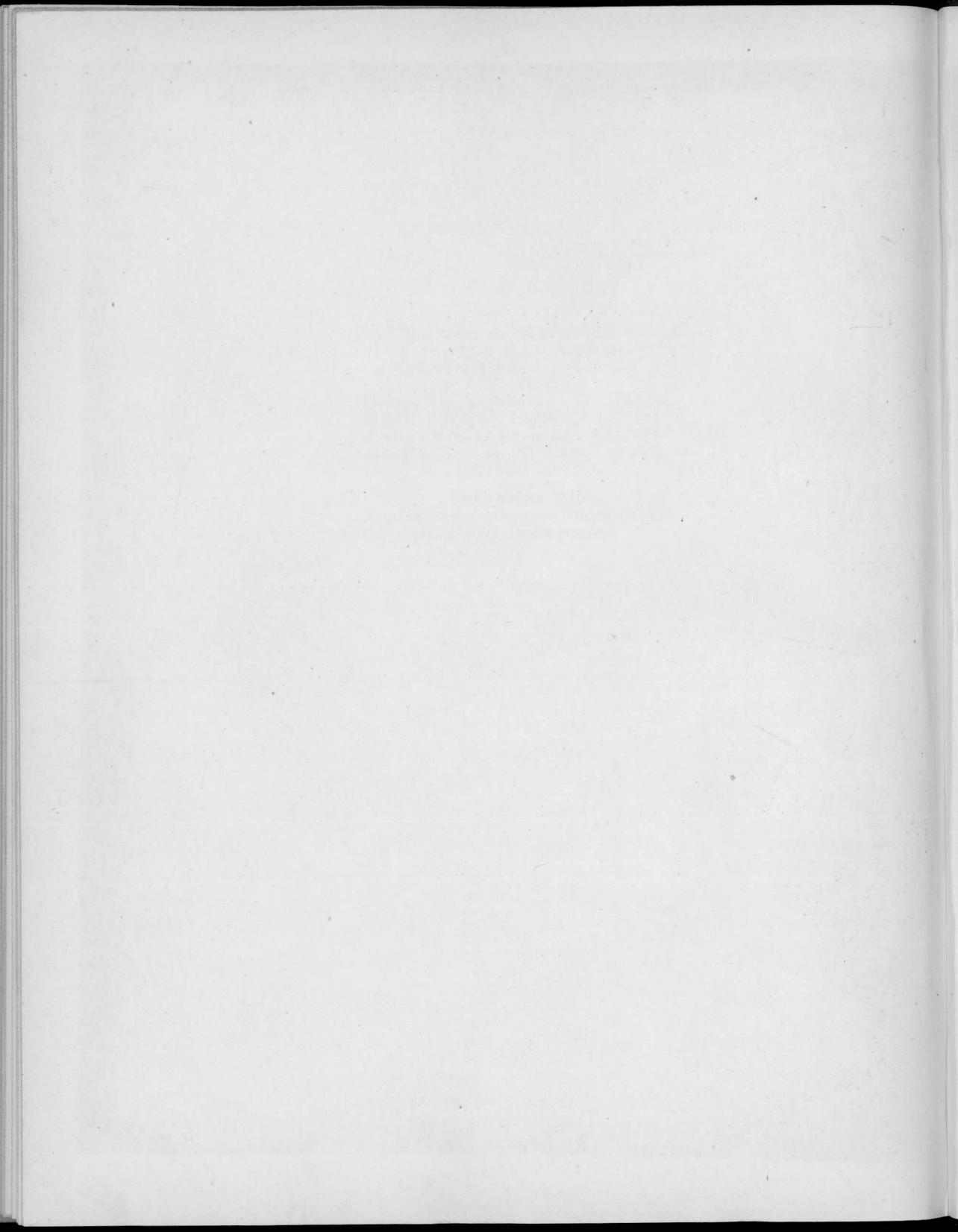
Семья. (<i>Кол тагыл.</i>)	3
Карта ави ос калась	11
Нэматыр тэнгкве. (<i>Тэнуттал.</i>)	17
Приютт	24
Лёшка ос Васька	31
Тарвитынг задача	39
Тотап тармыл олнэ хум	45
Карцер	55
Листовкат	64
Серёжа Томск усн ёхтыс	78
„Кол кивырн ёхтын нэпакыт“	86
<i>Приложение:</i> Русский текст	93

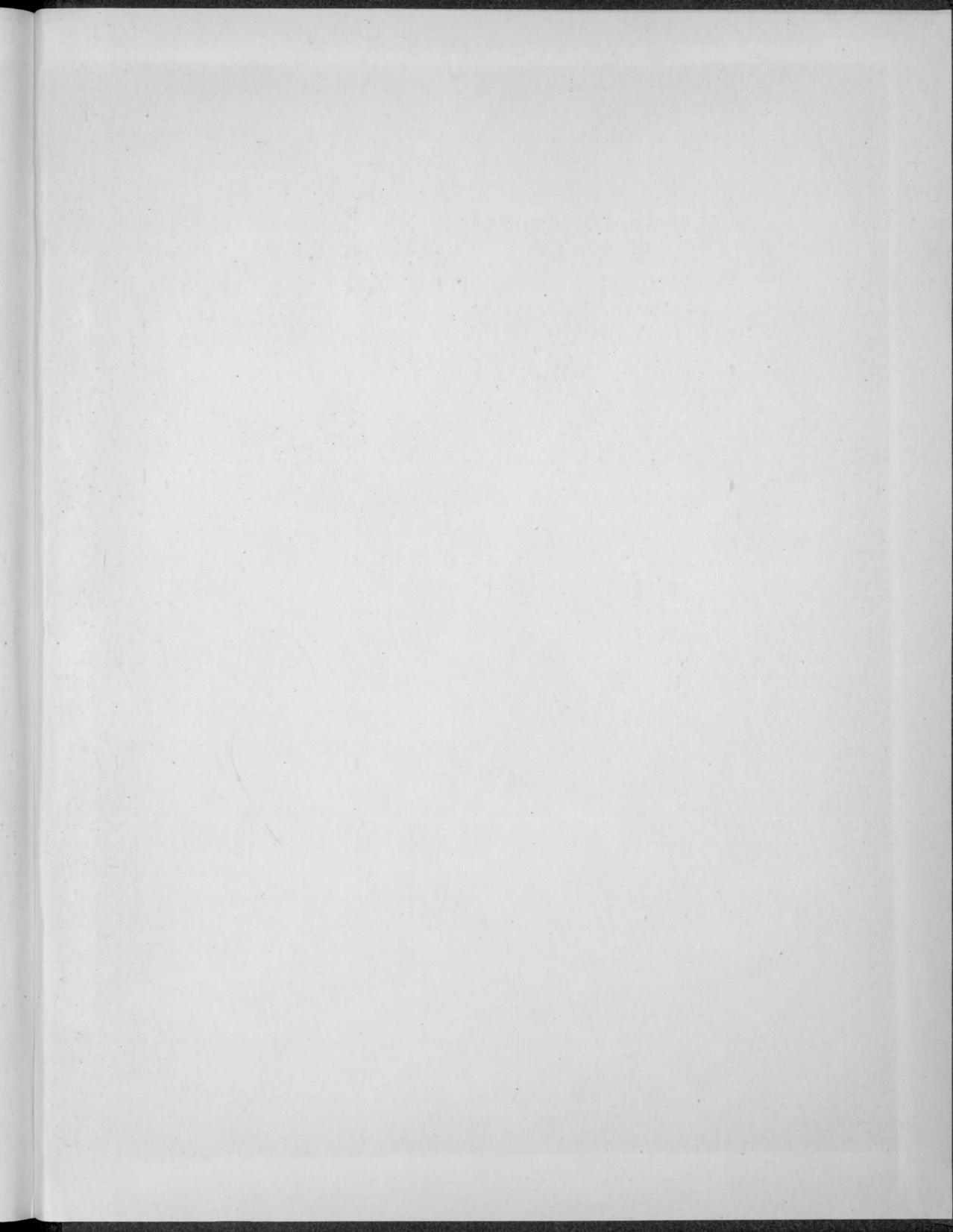
Редактор *А. Н. Баландин.*
Техн. редактор *А. А. Кирнарская.*
Корректоры: *А. А. Морозова*
и *Т. А. Хватова.*

Подписано к печати 4/VI 1951 г.
М 24994. Бумага 70×92¹/₁₆—4,25 бум.
л.—9,95 печ. л. Уч.-изд. л. 4,71. Ти-
раж 700. Зак. № 489. Цена 1 р. 90 к.
Переплет 50 к.

Типография № 3
Управления издательств и полиграфии
Исполкома Ленгорсовета

Цена 2 р. 40 к.

51-21000

34509

	Манс.
	3-44.

А. ГОЛУБЕВА

*Рассказы о Серёже Кострикове
на мансийском языке*